

ЭЙРЕНА
КОСМОС

РАЗВОД
ПО-ДРАКОНЫИ

ТЫ УТРАТИЛА ЦЕННОСТЬ

Эйрена Космос

**Развод по-драконьи.
Ты утратила ценность**

«Автор»

2026

Эйрена Космос

Развод по-драконьи. Ты утратила ценность / Эйрена Космос —
«Автор», 2026

Меня оклеветали! Обвинили в страшном преступлении против мужа. Жестокий муж-дракон, генерал Огнекрылой армии, требует развода! Отныне я изгой, униженная, и без гроша в кармане. И у меня есть лишь полгода, чтобы очистить свое имя, иначе метка правосудия меня убьет. Я верну свою силу, восстановлю справедливость, а заодно создам то, за что драконы готовы будут продать душу. А ты, бывший муж, подпиши уже бумаги на развод, который так хотел! В тексте есть:— сильная героиня#— властный дракон—# очень эмоционально—# интриги и тайны#— Хэппи энд

© Эйрена Космос, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	48
Глава 18	50
Глава 19	52
Глава 20	54
Глава 21	56
Глава 22	59
Глава 23	61
Глава 24	63
Глава 25	65
Глава 26	67
Глава 27	70
ГЛАВА 28	72
Г	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Развод по-драконьи. Ты утратила ценность

Глава

Глава 1

Боги, дайте сил!

Чтобы пережить этот позорный суд. Вынести все унижения, которыми наградил меня мой муж.

Выдержать эти липкие, осуждающие взгляды. Я одна среди клубка гадюк. Горло сжимается от несправедливости, а сердце бешено колотится от ярости. Как он мог так со мной поступить?

– Подумать только, обмануть дракона! – шепчет одна так, что слышат все.

– Как только могла! Бесстыдница! – говорит другая. – Он же генерал! Она совсем отбита.

– Никакого воспитания! Да еще и пустышка.

Каждое слово словно нож в спину. Они думают, я не слышу? Нет, они хотят, чтобы я слышала!

Сижу ровно и смотрю вперед. Стараюсь не замечать эти взгляды и не слышать противные смешки.

Но внутри всё кипит от обиды. Они все собрались в зале суда для того, чтобы посмаковать мое падение. Все хотят посмотреть на то, как жена генерала Огнекрылой армии изваливается в грязи.

Благородные дамы высшего общества, а на самом деле стайка гарпий. Фальшивых от макушек до пят. Их улыбки сочатся ядом, а взгляды полны злорадства.

– Имейте уважение, леди, – произносит Кларисса, мачеха моего мужа. – Айвилена все еще жена моего сына.

Да она издевается! Я вижу, как дрожат уголки её губ, а в глазах триумф.

Мачеха – жгучая брюнетка моих лет. Двуличная до мозга костей. Но я это поняла не сразу.

Смотрю на Клариссу и вспоминаю ее вчерашние слова, от которых до сих пор внутри всё сжимается от боли и гнева.

– Прими, Айви, это с достоинством. Он глава рода, генерал. Ему нужен наследник. Нужна женщина под стать. Посмотри на себя, ты уже не так свежа, как была раньше. Ты увядаешь. Пустоцвет.

Она это серьезно? Боги, мне тридцать, а говорит так, будто целых сто.

– Как и вы, Кларисса? Вы ведь тоже не понесли, – спокойно произношу я, хотя внутри всё трясет от ярости.

Ее глаза вспыхивают мгновенно, что можно задохнуться. Почти физически ощущаю ее ненависть. Она ведь хочет быть на моем месте.

– Даже не сравнивай нас. Никогда! Я – дочь советника, а кто ты? Сирота. Наследница проклятого рода. Ты пустое место.

В глазах Клариссы торжество. Вот кто больше всех упивается моим падением. И хуже всего, что она представляет интересы моего мужа в суде.

Он даже не потрудился сообщить мне о разводе лично.

И в суд он не явился. Ну конечно, какое ему дело до меня, если его ждет война?

Драгон Роквелл! Генерал Огнекрылой армии. Герой многочисленных битв. Гроза Союза Семи земель. И мой муж.

Жена я только на бумаге. Супруг давно живет войной.

– Тише, судья идет! – раздаётся писклявый голос писчего.

Седовласый низенький мужчина, с маленькими глазками и лицом хорька. Презрительно смотрит на меня, затем бросает покорный взгляд на Клариссу. Ну вот, исход суда мне очевиден.

Горечь и безнадежность обжигают горло.

– Обвиняемая, встаньте!

Обвиняемая? Я? С какой стати? Это ведь развод. Сердце пропускает удар.

– Здесь какая-то ошибка, Ваша честь, – произношу я поднимаясь.

– Тише! Будете говорить, когда я дам вам слово, – говорит он и ищет одобрения Клариссы. – Леди Айвилена Роквелл, вы обвиняетесь в преступлении против генерала, своего мужа.

Какое еще преступление? С ума сойти, да судья никак бредит? Ноги подкашиваются, но я не позволю себе упасть. Не доставлю им такого удовольствия.

– В чем меня обвиняют? – едва дыша, спрашиваю я.

– Вы обманом женили на себе генерала. На протяжении многих лет применяли запрещенные чары.

Ничего не понимаю. Ведь я сплю? Иначе объяснить происходящее я не могу. Земля уходит из-под ног, мир вокруг на миг становится нечётким.

– Айви, сознайся. Тебе же лучше, – с сочувствием говорит Кларисса. Фальшь в её голосе настолько очевидна, что хочется придумать мерзавку.

– Я ничего не делала. Все это ложь! – выпаливаю я.

– Вы сомневаетесь в справедливости суда? – щурится судья.

Справедливости, ну как же.

Молчу. Пусть договорит. Кулаки сжимаются так сильно, что ногти впиваются в ладони до крови.

– Приведите свидетелей! – требует судья.

Свидетелей чего? Сердце больно колет, когда я вижу их.

В зал заходит Сайра и Уильям, ее муж. Повариха и садовник. Единственные, кто тепло относится ко мне в доме мужа.

Ничего не понимаю.

– Говорите, – рычит судья. – Что вы видели?

Избегая моего взгляда, Сайра произносит:

– Я видела, как госпожа перед приездом генерала принимает специальную настойку.

Правильно, я всегда ее пила от головных болей. Стоит мужу оказаться рядом, как голова становится чугуной. Болела так, что словно раскалывалась пополам.

Не желая разочаровывать Драгона, я заранее пила лекарство, чтобы облегчить неприятные симптомы.

– Из чего она? – щурится судья.

– Из аромеллы, – произносит Сайра.

Что? Я задыхаюсь от возмущения. Предательство обжигает сильнее кипятка.

В зале раздаются шокированные вздохи. Все оторопели. В оцепенении и я. Аромелла – цветок под строжайшим запретом.

Настойка из его корня способна поработить драконью сущность, но не многие об этом знают. Еще аромелла может пробудить желание у дракона. Находились те, кто пытался таким образом женить на себе дракона.

Но я то не из них!

– Преступница! – охают в зале. Их голоса сливаются в единый гул, который давит на меня со всех сторон.

– Айви, как ты могла? – с притворным ужасом произносит Кларисса..

– Это ложь! Аромеллу никогда я не использовала, – заявляю я. Голос срывается от ярости и отчаяния.

Внутри трясёт от несправедливости. Какой фарс. Кто это придумал?

– Помолчите, леди. Сейчас опрашиваем свидетелей, – рывкает судья. – У вас есть доказательства?

– Конечно, ваша честь, – кивает Уильям. – Госпожа приказала мне тайком выращивать три корня аромеллы. Меня вынудили. Они растут в ее саду, среди кустарниковых роз.

Это же все клевета! Я знаю каждый кустик в своем саду. Никакой аромеллы там и подавно нет.

Внезапно дверь с грохотом открывается. Поворачиваюсь и...

О боги, нет!

На пороге стоит Драгон. Тяжелое дыхание, пронизывающий взгляд обсидиановых глаз. Он смотрит на меня. Внутри все сжимается от страха. На лице мужа вижу капли свежей крови, не его. Врагов. Руки руки сжимают рукоять меча, уверена, что представляет муж мое горло.

– Все вон! – спокойно приказывает он.

По спине бежит холодок. За мгновение всех как ветром сдуло. Даже судью.

– Драгон, дорогой, – поднимается Кларисса и делает шаг к нему.

– Оставь нас, – не глядя на мачеху, велит муж. – С тобой поговорим мы позже.

Кларисса, как натренированная собачонка, вылетает из зала.

Мы здесь одни. Так тихо, что я чувствую стук собственного сердца. Горло сжимается, а колени позорно трясутся.

– Как долго, Айви, ты принимала эту дрянь? – щурится мой муж, тяжело дыша.

– Никогда я ее не принимала. В руках даже не держала, – поднимаю я голову.

Пусть это будет последним, что я скажу, Но я не промолчу. Не в этот раз.

– Хочешь сказать, что другие лгут? – безжалостно усмехается супруг.

– Вот именно.

Боги! Как он смотрит! Будто на месте хочет испепелить. А он ведь может. Генерал – истинный дракон. Его огонь безжалостен.

– Ты же знаешь, что играть со мной опасно, Айви, – сокращает он между нами расстояние до жалких миллиметров.

Своим ртом ловлю его дыхание, и мне хочется провалиться сквозь землю. Потому чувствую внутри тепло. Боги, помогите!

– Я не знаю что ты хочешь услышать, но я ничего не делала. Меня оболгали. Неужели ты это не видишь? – отвечаю я.

– Аромелла на вкус горчит, – говорит дракон, медленно приближаясь. – А эффект проходит через три часа. Ты ведь не ждала сегодня близости, ведь так? Не лги мне, Айви. Я ведь могу узнать, пила ли ты ее или же нет.

Делаю рваный вдох и едва не жмурюсь от запаха дикой хвои. Его запах. Хочу отступить, но некуда. Драгон прижимает меня своим телом к широкому столу.

– Тогда проверь, – вскидываю голову и смотрю в его глаза. Черные, бездонные глаза.

Что-то во взгляде мужа меняется. Хотя я знаю, что это. Желание. Тут такое происходит, а у дракона именно это на уме?

Дергаюсь, пытаюсь вырваться. Но куда уж мне. Разве возможно сдвинуть скалу с места?

Положив руку на затылок, муж фиксирует меня, чтобы не вырвалась. Его пальцы вплетаются в мои волосы, слегка оттягивая их назад.

– Что ты творишь? – рычу я.

– Ну ты же просишь. Кто я такой, чтобы отказать жене? – говорит он, обжигая дыханием мои губы.

Внутри все замирает от ужаса...

А потом его губы безжалостно впиваются в мои. Это не поцелуй – это допрос! Дергаюсь, пытаюсь сопротивляться, но его хватка на моем затылке только усиливается.

Другой рукой муж обхватывает мою талию, прижимая к себе так тесно. Голова кружится. Дышать совсем нечем.

Драгон целует меня все настойчивее, все горячее. Зубами прикусывая мою нижнюю губу – не больно, но ощутимо. Предупреждение. Напоминание о его силе. Каждым движением своих губ он словно говорит: "Знай кому ты принадлежишь."

Когда кажется, что я вот-вот потеряю сознание от нехватки воздуха, Драгон чуть ослабляет напор. Его губы становятся почти нежными, язык медленно скользит по моей губе, словно успокаивая боль от укуса. Но это лишь иллюзия мягкости – в его поцелуе по-прежнему чувствуется сталь.

Муж отрывается от моих губ резко, словно разрывая невидимую цепь. Его дыхание тяжелое, глаза затуманенные страстью.

– Ничего, – произносит он хрипло, не отрывая от меня взгляда. – Я не чувствую горечи аромеллы.

Мое сердце колотится как бешеное, дыхание сбито, а внутри кипит злость.

– Я же говорила, – холодно произношу я. – Меня оклеветали!

Он молчит. Замечаю, как на щеке появляется черная чешуя. Предвестник того, что вскоре дракон потеряет контроль.

Боги, я в беде!

– Горечь присутствовала раньше, когда я был с тобой...

Глава 2

– Горечь присутствовала раньше, когда я был с тобой...

Его слова ударяют, словно звонкая пощечина. Шок выбивает весь страх из моего тела. Внутри что-то ломается, рассыпается на осколки.

– Неправда! – мотаю я головой.

– Неправда, говоришь? Тогда объясни мне, почему я чувствовал эту горечь каждый раз, когда целовал тебя, – рычит он, удерживая меня за талию. – Каждый. Проклятый. Раз.

– Ты чувствовал и раньше? Тогда почему молчал, Драгон? Я ведь не чувствовала ее! – голос мой дрожит, но уже не от страха. От ярости.

Глаза мужа сверкают опасным блеском. Чешуя на щеке расплзается дальше, покрывая скулу.

Плохой знак. Надо бы притормозить.

– Да зачем мне это? – более спокойно произношу я. – Зачем использовать что-то, чтобы ты меня желал? Ты и так...

Резко обрывает он меня:

– Верно. Возбуждать меня бессмысленно. Я и так хотел тебя, Айви, – его голос снижается до опасного шепота. – Но ты желала большего. Ты жаждала поработить дракона. Сделать ручным псом. Ты просчиталась, дорогая!

Отшатываюсь, насколько позволяет его хватка.

– О чем ты говоришь?! Я не собираюсь умирать. За такое преступление и голову могут отрубить.

– Верно, – его глаза темнеют. – Аромелла не для похоти. Она подчиняет нашу сущность. Заставляет дракона выполнять приказы. Вот чего ты добивалась. Вопрос лишь – зачем? Ты ведь неглупа, чтобы не понимать, меня невозможно подчинить.

Меня трясет. Происходящее кажется каким-то безумным сном.

– Я не знаю ответа на этот вопрос! – голос мой срывается. – Клянусь жизнью, я не делала ничего подобного. Единственное, что я принимала – это настой от болей.

Его брови резко взлетают вверх. Он прищуривается, наклоняется ближе.

– Болей? – жестко спрашивает он. – И что это были за боли, Айви?

Холодок пробегает по спине. Боги, он же меня сейчас раскусит! Поймет о моем вранье. Нужно что-то делать. Что-то придумать.

– От работы в саду, – быстро придумываю я. – От наклонов и жаркого солнца. У меня часто болит голова и спина. Вот я и принимаю настойку.

Его глаза сужаются еще сильнее. Я каждой клеточкой тела чувствую, что он мне не верит.

– Покажи мне эту настойку, – приказывает Драгон, беря меня за локоть.

– Сейчас? – выдыхаю я.

– Сейчас, – его голос не терпит возражений.

Воздух между нами сгущается, искрится. Драгон поднимает свободную руку и делает резкий жест.

Он же не станет...

Но нет, прямо посреди судебного зала возникает сияющий разрыв – портал. Сверкающее кольцо пульсирует ярко-красным светом, внутри которого клубится черный дым.

Открывать порталы в домах правосудия запрещено законом, но когда генерала Роквелла останавливали правила?

– Но ведь нельзя...

Он не дает мне договорить. Ведет в портал. Мир вокруг размывается. Секунда – и мы стоим посреди моей спальни.

Просторная комната с высоким потолком встречает нас холодной пустотой. Огромная кровать под балдахин, туалетный столик, пара кресел у камина – все выглядит гармонично. Я лично подбирала мебель.

Драгон отпускает меня, но его взгляд – как стальные цепи.

– Где она? – требует он.

– Сейчас достану, – произношу я.

Подхожу к комоду и выдвигаю ящик...

Подхожу к комоду и выдвигаю ящик. Вот она! Пусть дракон убедится, что я не лгу. Достав небольшой хрустальный флакон с мутноватой жидкостью внутри, я протягиваю его Драгону. Почему он не берет его, а так смотрит на меня? Словно пытается разобрать меня на щепки.

– У аромеллы нет запаха, – произносит он медленно. – Ты разве не знала?

Я застываю, не понимая, к чему он клонит.

Да откуда мне знать, если запретными вещами я не интересуюсь?

– О чем ты?

– О том, – шаг ко мне, – что она не имеет запаха. Сок аромеллы должен попасть в кровь.

Флакон в моей руке внезапно кажется тяжелым, как камень.

– Выпей, – приказывает он.

– Зачем?

– Ты утверждаешь, что это обычная настойка от болей, – губы его выгибаются в жесткой усмешке. – Так докажи. Выпей. А я проверю на вкус.

Сердце бьется о ребра, как бешеное. Я не знаю, что в этом флаконе. Уже не уверена ни в чем.

Но если не выпью, то дракон действительно сочтет меня виновной. Как же быть?

– Боишься? – он подходит вплотную.

– Нет! – спокойно отвечаю я. – Мне нечего скрывать.

Открываю флакон и выпиваю половину содержимого. Глядя в глаза драгону, я выбрасываю из рук настойку. Даже не смотрю, как настойка растекается по белоснежному ковру.

– Проверь, – с вызовом произношу. – Но знай: это унижение я не прощу.

На лице мужа пробегает тень.

Драгон медленно подходит ко мне. Его движения выверены, как у хищника перед броском.

Драгон наклоняется к моим губам. Его дыхание опалает кожу. Сглотнув, я не смею даже дышать.

В глазах мужа истинное пламя. Кажется, одно случайное движение, и оно вырвется наружу и испепелит меня.

Драгон – воин до мозга костей. Его аура способна лишить воли. Рядом с драконом я себя чувствую провинившейся девочкой.

Почему же он медлит? Будто наслаждается своими пытками надо мной. Пусть уже вынесет вердикт!

Драгон не целует меня. Он прижимается губами к шее, туда, где зашкаливает пульс. Как зверь втягивает носом воздух и медленно отстраняется.

– От тебя за версту разит горечью, – произносит он тихо. А лучше бы кричал. Хотя генерал никогда не повысит голос. Достаточно лишь взгляда. – Посмела врать, глядя мне в глаза?

– В последний раз говорю, я не принимала аромеллу. Но если она есть в настойке, то не из-за меня. Но ведь ты же не собираешься искать виновных? Тебе удобнее думать на меня!

Секунда. Вторая.

Сколько я еще смогу дышать, прежде чем меня испепелят?

В нашем мире законы созданы лишь для драконов. Они хозяева жизни. А для таких, как мой муж, так вообще закон не писан.

– Айви, неужели ты так глупа? А я был лучшего о тебе мнения! – произносит Драгон, холодно глядя на меня. – Мою волю не сломить. Никто не в силах поставить меня на колени, особенно женщина. Из-за своей глупости ты потеряла все.

Чешуя на его щеке расползается дальше, покрывая шею.

– Говоришь так, будто передо мной рушится весь мир, – не выдерживаю я. – Я потеряю статус жены генерала. Ну и что? Я не огорчусь, если передо мной захлопнутся двери благородных домов. Хотя благородства у простого работяги куда больше, чем у высокопоставленных особ.

– Дорогая, мы можешь потерять куда больше, – щурится дракон. – Ты можешь лишиться жизни за свой проступок.

Вот тут он прав. За подобное карают смертью или пожизненной ссылкой. А судя по тому, как ловко меня подставили, то я не сомневаюсь в таком исходе дела.

И что мне делать? Упасть в ноги дракона и молить? Кричать, захлебываться в слезах, что это сделала не я?

Нет уж! Не стану. Не хочу. Да и он не поверит. Если бы хотел, то уже давно бы понял, что я к этому не имею никакого отношения. Значит, мужу выгодно считать меня преступницей.

Возможно, даже он это придумал.

Но неужели это он придумал эту ловушку? Смотрю на него и понимаю, что нет, не он. Он бы не ударил так подло в спину. Он убивает, глядя в глаза. Так что враг кто-то другой.

А Драгону только на пользу избавиться от надоевшей жены. Которая даже родить наследника не может.

– Что ж, моя жизнь в твоих руках, Драгон, – произношу спокойно я. – Так что можешь поступать как хочешь. Хочешь лично повести меня на плаху? Тебе это доставит удовольствие?

В глазах мужа вспыхивает ярость. Драгон резко разворачивается и направляется к двери. Не оборачиваясь, он бросает через плечо:

– Ожидай документы о разводе.

Дверь за ним закрывается с глухим стуком. Колени подкашиваются, и я медленно сползаю на пол прямо возле лужи разлитой настойки. Руки трясутся так сильно, что прижимаю их к груди.

Моя смелость слишком дорого мне далась.

Но кто этот враг? Кто подставил? И зачем?

Развод. Для кого-то это приговор. На разведенных женщин ставят клеймо бракованных. Их сторонятся, будто чуму.

А если она еще и не родила дракону сына, то, считай, можно прощаться с жизнью.

Сколько раз я проверялась у врачей! Лучшие специалисты Союза разводили руками, не находя причины. Всё в порядке, говорили они. Просто немного подождите.

А я ждала. Пять лет брака, и ни одной беременности. Будто я и правда пустоцвет.

Сколько раз я молила богов сжалиться! Стирая колени до крови, шепча молитвы.

Но ничего. Боги были глухи к моим мольбам.

В дверь стучат, отвлекая меня от самобичевания. Поднявшись, я расправляю юбки, поднимая голову.

– Леди, я с приказом от генерала, – с вызовом смотрит на меня служанка.

Леди, не госпожа...

Глава 3

Леди, не госпожа.

Не успел уйти, а уже лишил меня титула. Быстро. Даже для него.

– Говори, – произношу я, стараясь сохранить хоть крохи самообладания.

– Генерал приказал вам покинуть покои госпожи, леди, – говорит служанка. Она даже не собирается скрыть ехидную ухмылку.

Думает, я буду истерить? Или побегу умолять мужа сжалиться?

Ну нет! Я точно не доставлю им такого удовольствия. Кто злорадствует сегодня, тот может плакать завтра. Жизнь слишком непостоянна.

– Когда? – звучит мой голос ровно.

– Немедленно.

Неожиданно, ну и ладно. Уйду с достоинством. Никто не увидит даже намека в моих глазах на боль и унижение. Сколько бы муж ни старался, ему не удастся сломить меня. Я должна быть сильной, не имею права посрамить свою семью. Не могу подвести родителей.

Мама... Папа...

Мне вас не хватает. На одно мгновение хочется стать маленькой девочкой и укрыться от всех проблем в сильных объятиях. Но увы, мне это недоступно.

– Хорошо, собери мои вещи, – приказываю я и отворачиваюсь.

Подойдя к окну, я с болью в груди смотрю на сад. Мою отдушину. Я по кусочкам создавала его своими руками. Дом, который не принял с самого начала, превратился для меня в тюрьму.

Сожалею ли я о том, что ухожу? Нет, не сожалею, но мне больно. Сердце разлетается на мелкие кусочки, когда вспоминаю глаза мужа. Больше не нужна. Предательница.

Он так легко поверил другим, но не верит жене. Я хоть раз его подвела? Хоть раз заставила усомниться во мне?

Никогда!

Я все делала, чтобы генерал Огнекрылой армии не краснел за свою жену. Хотя перед кем краснеть? Перед врагами? Драгон все свое время проводил в битвах. Будто специально делал все, чтобы не возвращаться ко мне.

Ладно, хватит предаваться воспоминаниям. Вскоре все это останется в прошлом.

Странно, прошло несколько минут, но за спиной все также тихо. Сильва научилась работать бесшумно?

Обернувшись, я встречаю насмешливый взгляд девушки, которая и на миллиметр не сдвинулась. Словно и не слышала моего приказа. Что за фокусы?

– Сильва, ты случайно не заболела?

– Я здорова, “леди”, – с насмешкой отвечает та.

Занятно.

– Тогда тебе стоит сходить к лекарю, раз ты плохо слышишь.

– И слышу я отменно, “леди”. Вот только приказывать вы мне не можете. Вы же больше не хозяйка. Вы не госпожа.

А вот оно истинное лицо. Сколько раз Сильва улыбалась мне, пыталась угодить, чтобы получить мое расположение. Смотрела так открыто, что я даже мысли не допускала, что это все фальшь. Слишком слепа я была.

– Сильва, – холодно произношу я, приближаясь к девушке так медленно, насколько это возможно. – Пусть я не хозяйка в этом доме, но госпожой не перестану быть! А тебе следовало бы знать свое место.

Девушка вздрагивает так, будто вместо слов я вlepила ей звонкую пощечину. Что-то в моем взгляде ее пугает. Но наглость у служанки быстро пропадает.

Опустив голову, тихо говорит:

– Хорошо, госпожа. Я все быстро соберу.

Так-то лучше.

Никогда не ставила себя выше других, но эту наглость с рук не могу спустить. Закроешь глаза один раз, а через минуту тебе уже в спину плюют.

– Куда меня переселяют? – безразлично уточняю я, когда девушка начинает в спешке собирать вещи.

– В Крайнее крыло.

Муж умеет удивлять.

Крайнее крыло. Даже название звучит как приговор.

Двадцать лет это место пустует. Никто не смеет туда заходить – ни слуги для уборки, ни даже мыши, хотя в остальных частях огромного замка они чувствуют себя как дома.

Говорят, что иногда оттуда слышен женский плач и что там обитает призрак первой жены отца Драгона, умершей в мучительных родах.

За пять лет брака я ни разу там не была. Крайнее крыло всегда было запечатано. Массивная дубовая дверь с железными петлями и руническими символами отделяла его от остального мира.

Драгон запретил мне приближаться к ней. И этот запрет я не посмела нарушить.

Выхожу из комнаты и с гордо поднятой головой иду по длинному коридору. Хоть здесь никого нет, но я знаю, даже у стен уши есть.

– Госпожа... – шепчет она внезапно изменившимся голосом. – Может, не стоит... Может, генерал передумает...

Теперь она боится. Что ж, поздно.

– Дальше я сама, Сильва, – без единой эмоции произношу я.

Не успеваю сделать и пары шагов, как дорогу мне преграждает высокая фигура в темном красном платье. Кларисса.

На её полных губах играет улыбка победителя. Ожидаемо.

– Смотрите-ка, кто здесь! Наша травница-отравительница, – голос ее сочится ядом. – Как быстро меняется жизнь, не правда ли? Утром – уважаемая супруга генерала, к вечеру – преступница.

Я молча пытаюсь обойти её, но она делает шаг в сторону, снова блокируя проход.

– Я так долго этого ждала, – шепчет она, наклоняясь к моему лицу. – Видеть, как ты падаешь с пьедестала. Драгон, наконец, увидел, кто ты на самом деле.

Молчу, пусть выговорится.

– Знаешь, я бы на твоём месте оглядывалась по сторонам в Крайнем крыле, – её глаза безумием. – Кто знает, что может случиться с тобой за запечатанной дверью? Кто знает, что там обитает? А если женщина пропадет... кто станет искать? Молчишь? Нечего сказать?

– Да нет, жду пока ты свой яд выплеснешь, а то упаси Боги удавишься им, – говорю я и, обойдя ошарашенную Клариссу, открываю дверь. Печати на ней деактивированы.

– Скоро в этом доме будет новая хозяйка, – прилетает мне в спину, но я даже не останавливаюсь.

Я даже знаю кто метит в претенденты.

Холодно и темно.

Остановившись на мгновение, я пытаюсь унять дрожь в теле.

Выдохнув, я начинаю двигаться на ощупь, пока мои глаза привыкают к темноте. Постепенно различаю очертания старинной мебели, закрытой тканью. Свет проникает сквозь щели в заколоченных ставнях тонкими полосами, создавая причудливую игру теней.

Внезапно дверь за моей спиной с грохотом захлопывается. Вздвогнув, я замираю. Сердце колотится как бешеное. Затем слышу шаги. Медленные, тяжелые. Мужские.

Глава 4

Замираю.

Чувства обостряются до предела. Кто-то вошел – я слышу тихое, размеренное дыхание позади себя. Не смея шелохнуться, я стою как статуя, вслушиваясь в давящую тишину. Если нападут, я дам отпор. Я буду готова.

Чувствую на себе взгляд, от которого по спине ползут мурашки. Сердце начинает грохотать в районе горла.

Он стоит и смотрит. Нападет или просто выжидает?

Вздрагиваю, когда внезапно вспыхивает камин, что находится напротив меня. Не медленно разгорается, а именно вспыхивает – мгновенно, яростно, заливая пространство колеблющимся оранжевым светом. На стене я вижу тень.

Это он...

Медленно обернувшись, я смотрю на него.

Драгон.

Муж стоит в нескольких шагах от меня, высокий, неподвижный, окутанный полумраком. Только глаза черные, словно сама Бездна.

Он делает шаг вперед, а я инстинктивно отступаю.

– Ну что, жена, ты довольна новыми покоями? – приподнимает насмешливо бровь муж.

Он издевается!

– Вот уж не думала, что великому генералу Огнекрылой армии приносят удовольствие женские мучения, – отвечаю я усмехнувшись.

Если Драгон пришел сюда в надежде увидеть меня разбитой, то его ждет разочарование. Он никогда не узнает, насколько я опустошена.

Что-то в выражении лица дракона меняется. Проскальзывает что-то темное, опасное.

– Дорогая, если бы я и правда этим наслаждался, то ты оказалась бы совсем в другом месте.

Что это он имеет в виду?

– А так разместили с комфортом.

– Комфорт? Да в Бездне и то безопаснее!

– Это вряд ли, – хмыкает дракон.

– Тогда чего ты хочешь? Убить меня?

– Убить? – удивляется муж. – Какая глупость. Нет, Айви. У меня на тебя... совсем другие планы.

Сердце колотится как бешеное, а в висках стучит. Что-то в его интонации заставляет холодок пробежать по спине. Делаю ещё шаг назад. Фух, становится чуть легче.

– Другие планы? Какие же?

Вместо ответа Драгон приближается, словно хищник к добыче. Медленно. Слишком медленно!

– Скажи мне правду, Айви, – голос его снижается до шёпота. – Всю правду.

– О чём ты говоришь? Я никогда не лгала тебе.

– Не лгала? А как назвать то, что ты скрывала свою истинную природу все эти годы?

Боги, нет! Как он узнал? Откуда? Об этом знали только родители, и этот секрет они унесли с собой в могилу.

Драгон продолжает надвигаться, пока я не упираюсь спиной в холодную каменную стену. Деваться некуда.

Муж останавливается в нескольких сантиметрах от меня. Я чувствую жар его тела, вижу каждую чётточку его лица, освещенного пламенем камина.

– Не понимаю о чем ты, – шепчу я, но совсем неубедительно.

Врать как следует я так и не научилась.

Может, Драгон ничего и не знает? Может, просто пытается поймать меня в ловушку? Все так и есть. Я не попадусь в этот капкан. Ведь правда известна только мне.

– Где мои документы на развод? – решаю сменить я тему.

– Занятно, почему ты не умоляешь? – прищуривается муж.

– А должна?

Так вот чего он от меня ждет. Чтобы я колени стерла у его ног в мольбах?

– Ты же должна понимать, что тебя ждет в статусе разведенки. И это не говоря про обвинения. Ты станешь презираемой всеми. Никто не посмеет даже посмотреть в твою сторону. Смирись, Айви, ты не сможешь без моей поддержки.

Он что, упивается своей властью надо мной? Так уверен, что я паду к его ногам и буду молить? Не буду! Не хочу!

– Это лучше, чем я стану презираемой собой, – резко отвечаю я. – Я не буду ползать перед тобой на брюхе, вымаливая подачки. Да, ты можешь сказать, что моя жизнь в твоих руках. Но и тут я не буду молить. Хочешь видеть меня на плахе? Да, пожалуйста, вот только знай, что не будет тебе прощения. Я буду преследовать тебя даже из-за грани.

Сказав это, я выдыхаю. Внутри становится пусто. Словно мне стало безразлично. Это даже пугает.

А что же муж?

А вот он смотрит на меня не мигая. И это прожигает насквозь. Чего можно ожидать от бессердечного генерала? Да чего угодно! Прямо сейчас он может свернуть мне шею. И ничего за это не будет.

Скажет, мол, она сама виновата. Шла по лестнице и, поскользнувшись, сломала себе шею.

И все поверят. Он же уважаемый дракон.

Но к моему полнейшему изумлению Драгон делает совсем не это.

– Ты что творишь? – выдыхаю я, когда вижу, что он начинает расстёгивать рубашку. Пуговица за пуговицей. Не торопись. Не отводя глаз от моего лица.

Рубашка падает на пол...

Боги!

Глава 5

Рубашка падает на пол. Я не успеваю даже осознать увиденное, как Драгон делает молниеносное движение и оказывается вплотную ко мне.

– Не смей! – шиплю я, упираясь в его грудь ладонями.

Его руки обхватывают мою талию, прижимая к горячему телу так сильно, что дышать становится трудно. Я чувствую, как быстро бьется его сердце, чувствую его возбуждение, прижатое к моему животу. А глаза его... Боги, да он же сейчас испепелит меня взглядом.

– Смена покоев не освобождает тебя от супружеского долга, – шепчет он мне на ухо. – Ты всё ещё моя жена.

Меня словно в ледяную воду окунули. Всё это время я пыталась держаться, не позволять страху овладеть мной. Но сейчас... Сейчас передо мной не тот Драгон, которого я знала пять лет. Да, он был холоден и отстранен, но я всегда верила, что он – дракон чести.

А теперь? После всего, что случилось, после обвинений и унижений, после того как он переселил меня в проклятое крыло – он просто хочет залезть мне под юбку?

– Пусти, – произношу я без единой эмоции.

Нет ничего хуже разочарования. Оно горчит на вкус. И эта горечь расплзается внутри.

Драгон замирает, смотрит мне в глаза. Что же он хочет увидеть? Ответное желание? Нет, не после всего случившегося.

Что-то мелькает в его взгляде. Что-то непонятное. Темное. Но что бы это ни было, но муж резко отстраняется, сжигает на полу рубашку одним лишь взглядом и выходит из комнаты. Дверь захлопывается с такой силой, что вздрагиваю не только я, но и стены.

Генерал не просто зол. Он на пределе своей ярости.

А потом я слышу грохот.

Такой, будто стены рушатся. Звон разбитого стекла, треск дерева, удары, от которых, кажется, содрогается всё крыло. Такое чувство, что на нас напали. Но это невозможно. Нет таких безумцев, что осмелятся пойти против Драгона Роквелла.

Я даже не решаюсь выйти. Просто стою, вжавшись в стену, и жду, пока всё стихнет. Постепенно звуки ослабевают, потом прекращаются совсем. Тишина окутывает меня, и я, наконец, позволяю себе выдохнуть.

Боги! Он страшен в гневе. Представляю как генерал встречает своих врагов.

Медленно оторвавшись от стены и осматриваю комнату. Несмотря на полумрак, мне все прекрасно видно.

– Что за дела? А где пыль? – спрашиваю я вслух.

Я ожидала увидеть слои пыли, паутину, запустение, ведь в Крайнем крыле никто не жил много лет. Но к моему удивлению, всё вокруг чисто.

Чистый ковер на полу. На деревянной мебели нет ни пылинки. Массивная кровать с балдахинном застелена свежим бельем.

Кто-то готовил эту комнату для меня? Но ведь прошло слишком мало времени от суда до приказа о выселении. Или же Драгон все тщательно спланировал?

Вот уж не думала, что генерал склонен к такому. Воевать с собственной женой.

Подойдя к окну, я отдергиваю тяжелые шторы. Солнечный свет мгновенно заполняет комнату, заставляя меня зажмуриться.

Когда глаза привыкают, я вижу простирающийся до горизонта лес. Зеленый ковер, раскинувшийся под окнами замка, выглядит таким спокойным и безмятежным, что на мгновение мне кажется, что это все дурной сон.

Но нет, все происходит наяву. Жизнь моя превратилась в кошмар.

Я слишком устала. Этот день был невероятно сложным. Устало опустившись на кровать, я отмечаю ее мягкость. Удобная.

Прикрыв глаза, только на минутку, чтобы собраться с мыслями, и, кажется, проваливаюсь в сон.

...Вижу наш старый дом. Яблоневый сад, цветущий белым облаком. Отец развешивает фонарики на ветвях деревьев, а мама накрывает стол в беседке. Мне шестнадцать, и сегодня мой день рождения.

– Айви, дорогая, – мама обнимает меня, и от её волос пахнет лавандой и мятой. – Мы так гордимся тобой. Ты такая умничка. В свои шестнадцать уже поступила в лучшую академию Союза.

– Малышка, ты чудо, что даровали нам боги, – присоединяется к нам папа.

Сердце сжимается от счастья и любви к родным. Только благодаря их поддержке, я поверила в себя. Поверила в то, что в шестнадцать лет смогу поступить в элитную академию. В то время, когда обычно поступают в восемнадцать.

Да еще получила стипендию, когда ее добиваются единицы.

Это все благодаря вашей любви и поддержке, – отвечаю я родным.

– Ничего мы не сделали, родная. Ты все сама, – говорит мама.

– Боги тебя любят, – произносит отец.

– Они поэтому наградили меня “особым” даром?

В саду становится тихо. Слишком тихо.

Ну зачем я это сказала? Ведь все хорошо было. Сейчас мама заплачет, а папа будет злиться. Но не на меня, а на себя.

– Девочка наша, мы сделаем всё, чтобы защитить тебя, – мама берет мои руки в свои. – Но ты должна быть осторожна. Никто не должен знать. Никто, слышишь?

– Я буду осторожна, обещаю, – говорю я, целуя её в щеку.

Этот день даже упоминание о моем проклятии не может омрачить.

Мы смеемся, едим яблочный пирог, и я счастлива. Так счастлива...

А через день их не стало. Они просто не проснулись. Сказали, что это был инфаркт. У обоих. В одно и то же время...

Резкий хлопок двери вырывает меня из сна. Подскочив на кровати, я растерянно оглядываюсь.

В комнату врывается Сильва. Её лицо бледнее полотна, глаза едва не вываливаются из глазниц от ужаса, а руки трясутся так, что кажется, вот-вот служанка упадет в припадке.

– Г-госпожа, – выдавливает она, заикаясь. – Г-генерал... Он, кажется, сошел с ума! Вы следующая -я-я! Госпожа-а-а-а...

Глава 6

По спине бежит холодок.

– В каком смысле генерал сошел с ума? Что происходит? – пытаюсь я узнать у Сильви. Вот только служанка, кажется, не способна связно мыслить.

– Там... Вы сами все должны увидеть. Госпожа-а-а-а, он ведь и вас может так... Это же верная смерть.

Слушать и дальше истерику служанки я не намерена. Так, прямого приказа не покидать эти покои не было. Значит, я могу свободно передвигаться по дому. Надо самой оценить степень безумия мужа. Может, и правда надо бежать.

Хотя не существует такого места, где можно скрыться от Драгона.

Выйдя из покоев, вздрагиваю.

– Что здесь произошло? – спрашиваю я скорее себя, нежели Сильви.

В коридоре настоящий погром. Здесь будто стадо диких буйволов пробежало.

Хотя нет, это всего лишь один взбешенный дракон.

В каменной стене вмятины. Будто ее кулаками месили. Чудо, что она еще держится. Пол усыпан каменной крошкой, а шторы наполовину сожжены.

– Генерал в своем кабинете, в библиотеке, – шепчет Сильви, семена за мной.

Крайнее крыло находится на третьем этаже, а под ним располагается библиотека, соответственно, и кабинет мужа.

Опускаясь по широкой лестнице, я рукой скольжу по отполированным перилам. А ведь еще каких-то несколько дней назад я проверяла эти самые перила на качество уборки.

Такие вопросы я не доверяла слугам, предпочитая все сама проверить.

Кларисса не вмешивалась. Она вообще мало во что вмешивалась. Ее интересовали только балы да мода. Ах да, еще и светские сплетни.

На мгновение остановившись перед портретом Арона – отца Драгона, я смотрю в тот же властный взгляд, те же резкие черты лица. Только сейчас замечаю, как сильно сын похож на отца.

Приблизившись к библиотеке я замираю – из приоткрытой двери доносится истеричный плач Клариссы.

– Я всё для тебя делала! – всхлипывает она. – Заботилась как могла! Ты же сын Арона, я должна была...

– Благодарю за заботу, – в голосе Драгона звенит сталь, приправленная ядовитыми нотками, – но я как-нибудь справлюсь сам.

Что здесь происходит? Я думала, Драгон действительно сошел с ума. Может, убивает всех направо и налево. А меня позвали послушать откровения между этой парочкой?

Бросив неодобрительный взгляд на Сильви, я не двигаюсь с места.

Вдруг слышу шорох юбок и всхлип. Что это?

Осторожно подкравшись к двери, я заглядываю в щель. Муж сидит за массивным столом из красного дерева, а взгляд Драгона, направленный на мачеху, обжигает даже меня, хоть я и стою в коридоре. Кларисса рухнула на колени, её плечи вздрагивают от рыданий.

– Я хотела как лучше, – всхлипывает она. – Я знала, что ты сам не решишься на развод с этой... этой пустышкой! Айви недостойна тебя! Тебе нужен наследник! А она... она перешла черту, когда решила опаивать генерала...

Кларисса осекается на полуслове, когда Драгон медленно поднимается из-за стола. Он медленно обходит стол, словно хищник, готовящийся к атаке. Каждый его шаг излучает такую власть, что я чувствую, как по коже бегут мурашки. Воздух вокруг него, кажется, потрескивает от напряжения.

Дракон останавливается перед Клариссой, возвышаясь над ней как грозовая туча. Его взгляд мог бы обратить её в пепел. На меня он так не смотрел.

– Я терпел твое присутствие в этом доме только из уважения к последней воле отца, – его голос тих, но в нем столько стали, что каждое слово режет как клинок. – Но это ты посмела перейти черту. Ты влезла в мою семью. Устроила суд над моей женщиной. За это ты ответишь.

– Я заботилась о тебе! – рыдает Кларисса.

Драгон усмехается, и от этой усмешки кровь стынет в жилах.

– Раз уж у тебя такая тяга к заботе, проявишь её в монастыре милосердия. Там самое место для таких... благодетельниц.

Кларисса заходится в истерике, но Драгон уже отдает приказ страже. В этот момент он поднимает взгляд к двери, и я едва успеваю отшатнуться. Сердце колотится как бешеное.

Сильви все так же стоит в конце коридора, бледная как полотно. Кажется, она вот-вот потеряет сознание.

Двери распахиваются, и стража выводит упирающуюся Клариссу. Она замечает меня, и в её глазах вспыхивает такая дикая, всепоглощающая ненависть, что я невольно делаю шаг назад.

– Не думай, что тебя он пощадит! Драгону Роквеллу неизвестно милосердие, – выплевывает Кларисса на ходу.

Он ее наказал, но почему я не испытываю удовлетворения или радости? Ничего. Внутри пустота.

– Жена, хорошо, что ты сама пришла, – раздаётся рядом суровый голос мужа. – Ты не желаешь прогуляться? Например, в твой любимый сад.

По спине бегут мурашки. Драгон мне вовсе не прогулку предлагает. Он никогда не делал это и сейчас не станет.

Так, стоп! Уильям ведь обвинил меня в том, что я аромеллу в саду выращиваю, но ведь это же неправда! И сейчас Драгон в этом убедится.

Повернувшись к дракону, я смело поднимаю голову. Мне скрывать и тем более бояться нечего.

– Пойдем, – бросаю я и развернувшись, спускаюсь по лестнице.

В мой небольшой сад можно попасть из запасного выхода. Он скрыт от чужих глаз, и в этом была его прелесть.

Каждый новый шаг дается с трудом. Всем своим естеством я чувствую взгляд Драгона. Тяжелый, пронизывающий насквозь.

Оказавшись в саду, я останавливаюсь. В нос ударяет сладковатый аромат цветов, что слегка начинает кружить голову.

– Ну что, сама покажешь или поискать? – раздаётся холодный шепот у виска.

Глава 7

Смотрю на мужа, и внутри все сжимается. Я догадываюсь, что именно он хочет найти. Но как объяснить то, чего я не понимаю сама? Сердце колотится как бешеное, во рту пересохло.

– Я не сажала аромеллу ни здесь, ни где бы то ни было, – голос мой звучит тихо, но уверенно. Правда на моей стороне. – Поэтому не могу показать то, чего не знаю.

Драгон молча смотрит на меня. Боги! Никогда раньше он так не смотрел.

В его взгляде одновременно проскальзывает надежда и разочарование. Он будто ждет от меня чего-то, но я не оправдываю его ожиданий.

Этот взгляд пробирает до костей, заставляет кожу покрываться мурашками.

– Люблю сложности, – наконец произносит он, и от его безэмоционального тона у меня по спине пробегает холодок.

Драгон медленно обходит небольшой сад, не задерживая свое внимание ни на чем. Кажется, будто он знает, куда идти, но почему-то не спешит.

Я следую за ним на расстоянии, затаив дыхание. Его присутствие заставляет воздух вокруг потрескивать от напряжения. Каждый шаг Драгона излучает такую власть и силу, что становится трудно дышать.

Мой сад всегда был моим убежищем, местом, где я чувствовала себя в безопасности. Теперь же он кажется чужим и враждебным.

Драгон останавливается у кустов роз, и мое сердце пропускает удар. Я помню, как год назад высаживала их – полудикие, с мелкими темно-бордовыми цветами.

Помню каждую минуту, проведенную здесь. Как исколола все пальцы, пытаясь укротить непокорные ветви. Как радовалась первым бутонам. Как приходила сюда каждое утро, чтобы полюбоваться их красотой.

Драгон поворачивается ко мне, и одним резким движением руки превращает розы в пепел. Огонь вспыхивает и гаснет за считанные секунды, оставляя после себя только черные обугленные стебли. Воздух наполняется запахом гари и горелых лепестков.

– Как ты посмел... – едва не задохаясь, произношу я.

Внутри все переворачивается от обиды. Как он мог так небрежно уничтожить то, что было дорого мне? То, во что я вложила столько любви и заботы? Каждый куст этих роз был частью меня, моих надежд на счастливую жизнь.

Это лишний раз доказывает, что мужу плевать на мои чувства.

Когда пламя окончательно стихает, я замираю.

Там, где только что росли мои любимые розы, виднеются три куста. Три куста аромеллы с характерными серебристыми листьями и бледно-голубыми цветами. Их словно вырезали из лунного света – настолько неестественно они выглядят среди остальных растений.

– Трудно было высаживать? – интересуется Драгон с холодной ухмылкой. – Аромелла – растение капризное. Требуется особый уход. Особенно если учесть, что она растёт только в горах Северного хребта.

– Я не сажала их! – в отчаянии кричу я, чувствуя, как дрожит мой голос. – Клянусь, кто-то, должно быть, подложил... Неужели ты не видишь? Это какой-то заговор против меня!

Боги! Черные омуты его глаз будто пронизывают насквозь.

Драгон медленно приближается ко мне, будто уже вынес приговор. Он же меня убьет!

Но нет, пока дышу.

Драгон молча берет меня за руку – его пальцы обжигают кожу – и ведет к фонтану в центре сада.

Изящная мраморная чаша, поддерживаемая тремя дельфинами, украшена витиеватой резьбой. Прозрачные струи воды переливаются в лучах закатного солнца, создавая маленькие радуги.

Я всегда любила этот фонтан. Он казался мне волшебным, особенно в лунные ночи, когда вода в нем начинала светиться серебристым светом. Что муж задумал?

– Утопить решил? – с вызовом спрашиваю я.

– Знаешь, что это? – интересуется Драгон, голос его звучит непривычно мягко, что пугает еще больше.

– Я же не слепая, – отвечаю я, не понимая к чему клонит муж. – Фонтан. Он был здесь задолго до моего появления.

– Это не просто фонтан, дорогая, – в голосе Драгона появляются новые нотки, от которых хочется развернуться и бежать куда глаза глядят.. – Это артефакт визуальной памяти. Он хранит воспоминания обо всем, что происходило в этом саду.

Что?

– Ты следил за мной? – злость накатывает волной.

– Я за всем слежу, Айвилена, – резко отвечает он.

Полное имя из его уст режет слух. Очень редко он им меня называл. Обычно тогда, когда был зол. На меня.

Драгон неторопливо поднимает левую руку. На моих глазах его ноготь удлиняется, превращаясь в острый коготь. Одно быстрое движение – и на его правой ладони появляется длинный порез.

Алые капли падают в прозрачную воду фонтана. Они не растворяются, а словно застревают в толще воды, превращаясь в мерцающие искры. Вода начинает светиться изнутри, как будто в ней зажглись тысячи крошечных звезд.

– Покажи момент посадки кустов аромеллы, – командует Драгон.

Вода в фонтане начинает светиться ярче. Над поверхностью поднимается тонкая серебристая дымка, постепенно собираясь в четкое изображение.

Я не могу отвести взгляд, хотя внутренний голос кричит, что лучше не смотреть. Что то, что я сейчас увижу, может изменить все.

Сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот выскочит из груди. Пальцы непроизвольно сжимаются, ногти впиваются в ладони. Я жду. И молюсь всем богам, чтобы изображение показало кого угодно, только не...

– Боги, нет! – шепчу я, хватаясь ладонью за свое горло, чтобы приглушить крик, что готов вырваться из меня.

Глава 8

Воздух вокруг фонтана замирает. Серебристая дымка складывается в изображение, и я вижу... себя.

Я иду по саду с холщовым свертком в руках, уверенно направляясь к кустам роз.

Остановившись, я, словно вор, оглядываюсь по сторонам, затем опускаюсь на колени и начинаю копать землю руками. Достая из свертка маленькие серебристые ростки и бережно высаживаю их в подготовленные ямки.

– Нет! – вырывается у меня. – Этого не может быть! Я никогда...

Меня трясет от ужаса и непонимания. Это какая-то жестокая шутка, игра света и тени. Я знаю точно – я никогда не сажала аромеллу. Это не могла быть я!

Поворачиваюсь к Драгону и цепенею. Он не смотрит на видение. Его взгляд прикован ко мне, изучает каждую черточку моего лица, каждую эмоцию.

Будто видение для него – давно известный факт, а настоящее представление – это моя реакция.

– Это иллюзия, – голос мой дрожит. – Подделка. Кто-то... кто-то хочет очернить меня в твоих глазах!

– Этот артефакт видит сквозь любую иллюзию, Айвилена, – холодно отвечает Драгон. – Он показывает только правду. Это была ты.

Его глаза, как Бездна, в которой плещется ярость. Он делает шаг ко мне, и я невольно отступаю, но упираюсь спиной в холодный мрамор фонтана.

– Я разочарован, – каждое слово бьет наотмашь. – Куда делась та девушка с горящим взглядом, что мечтала перевернуть мир? Помнишь ли ты себя такой, или то тоже была игра?

Его слова словно прорывают плотину, и воспоминания захлестывают меня...

***

Бал в особняке герцога Эшфорда. Вокруг шумно и многолюдно – именно то, что я ненавижу больше всего. Зачем тетя притащила меня сюда? Она прекрасно знает, что я не выношу светских мероприятий. Сейчас бы вернуться в академию, к моему дипломному проекту...

– Айви! – ко мне подлетает Розалин, дочь подруги тети. – Ты видела, какое здесь разнообразие женихов? Граф Уиллоуби не сводит с тебя глаз!

– И что? – скептически смотрю я на нее. – Неужели замужество – это предел мечтаний для девушки?

Розалин и ее подруги смотрят на меня с недоумением.

– А что еще? – спрашивает одна из них.

– Быть кем-то, – отвечаю я с жаром. – Не просто женой знатного господина, а личностью. Не приложением к мужчине, а человеком, который сам из себя что-то представляет.

Они смотрят на меня как на сумасшедшую. В нашем обществе такие мысли считаются крамольными. Девушка должна мечтать о выгодном браке, а не о том, чтобы поднять голову выше, чем навязано обществом.

Внезапно ощущаю на себе чей-то заинтересованный взгляд. Обернувшись я замираю, сталкиваясь глазами с мужчиной такой ошеломляющей красоты, что на мгновение забываю, как дышать. Высокий, темноволосый, с властным разворотом плеч и взглядом, от которого внутри все переворачивается.

– Объявляется вальс! – раздается голос распорядителя.

С ужасом понимаю, что незнакомец направляется прямо ко мне. Хочу сбежать, но ноги будто приросли к полу. Остановившись напротив, он склоняется в легком поклоне.

– Позвольте пригласить вас на танец, леди.

Слышу за спиной восхищенный шепот девушек:

- Это же генерал Драгон Роквелл!
- Самый молодой генерал в истории Союза...
- Говорят, в его венах течет кровь древних...

Не успеваю ответить, как уже оказываюсь в его руках. Мы кружимся в вальсе, и его прикосновения обжигают даже сквозь перчатки.

- Ваше имя? – спрашивает он низким голосом, от которого по телу пробегает дрожь.
- Айвилена, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Айвилена Норт.

– Что привело вас на этот бал, Айви? – в его глазах мелькает настоящий интерес. – Вы не похожи на девушек, которые наслаждаются подобными мероприятиями.

Несмотря на смущение, я не собираюсь притворяться.

– Вы правы. Меня интересует наука, а не мужчины, – прямо отвечаю я. – Я здесь только потому, что тетя настояла.

Вместо того чтобы оскорбиться, он улыбается. Красиво.

– Наука? И что же вы изучаете?

– Я зельевар. Работаю над особым составом, который может... – осекаюсь, понимая, что увлеклась. – Впрочем, вам это вряд ли интересно.

– Напротив, – его рука на моей талии чуть сжимается. – Продолжайте.

Музыка заканчивается, и он предлагает:

– Не желаете ли освежиться? Здесь довольно душно.

Соглашаюсь, хотя внутренний голос предупреждает: беги.

Сначала прохладительные напитки, потом прогулка под луной, а затем и храм... Нет уж. У меня другие планы. Я должна удивить мир своим зельем.

Генерал уходит за прохладительными напитками, а я бегу изо всех ног из зала напрямиком в сад. Здесь прохладно и тихо – именно то, что нужно.

С профессиональным интересом рассматриваю растения, совсем забыв о притягательном мужчине.

Какое великолепие! Герцог, видимо, не жалеет средств на своего садовника. Углубляюсь в сад, забираюсь в самый дальний его уголок.

И тут я замираю от восхищения.

По каменному забору вьется редчайшая разновидность плюща с бледно-лиловыми цветком. Этот вид цветет раз в пять лет, и достать такие цветы практически невозможно. Они стоят целое состояние даже для аристократа. А если добавить порошок из этого цветка в мое зелье... результат превзойдет все ожидания!

Оглянувшись по сторонам, я убеждаюсь что никого нет. Решаюсь на безумный поступок – подхожу к забору и начинаю карабкаться по каменным выступам. Дотянувшись до цветка, срываю его...

Внезапно раздается шорох за спиной. От испуга дергаюсь, нога соскальзывает с выступа, и я лечу вниз...

Прямо в сильные руки. Подол моего платья неприлично задрался, а лицо генерала Роквелла оказывается в неподозволенной близости от моего. Его глаза темнеют, взгляд опускается на мои губы...

Вдруг со стороны аллеи вспыхивает яркий свет. Слышатся удивленные возгласы и шепот.

– О боги!

– Вы видели?

– Генерал Роквелл и эта девушка... Какое неподобающее поведение. Позор!

***

– Ты помнишь, что было дальше? – голос Драгона возвращает меня в реальность.

Стою перед ним, дрожа всем телом. Воспоминание было таким ярким, таким... настоящим. Но одновременно чужим, словно это была не я.

– Помню, – выдавливаю я.

Драгон смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

– Тогда тоже притворялась? – тяжело дышит Драгон. – Впрочем, мне неинтересно. И...

– Генерал, – вбегает в сад запыхавшийся слуга. – К вам пришел главный дознаватель и требует увидеться с госпожой.

Что? Боги, только не это... Драгон ведь с удовольствием отдаст меня в лапы правосудия. Почему же он молчит?

– Генерал? – бледнеет слуга. – Что мне передать дознавателю?

Глава 9

Время останавливается. Кажется, что между ударами сердца проходит вечность. Я стою, не смея дышать, ожидая, когда Драгон вынесет свой приговор.

Слуга бледнеет с каждой секундой молчания своего господина, а я борюсь с желанием сорваться с места и бежать.

Куда угодно, лишь бы подальше от этих обвиняющих глаз и дознавателя, который, вероятно, ждет в гостиной.

Драгон медленно переводит взгляд с меня на слугу.

– Скажи дознавателю, что моя жена нездорова и не может его принять, – произносит он ровным голосом. – Я сам с ним поговорю.

Слуга с облегчением выдыхает и, поклонившись, спешно удаляется.

Драгон поворачивается ко мне. В его глазах – холодная ярость.

– Отправляйся в свои покои, Айвилена, – приказывает он. – И жди меня там. Я разберусь с дознавателем, а потом мы продолжим наш разговор.

На мгновение меня захлестывает волна облегчения – он не отдал меня дознавателю! Но следом приходит понимание: это не значит, что он не сделает этого позже.

Возможно, он просто хочет сам выяснить все до конца, прежде чем передать меня в руки правосудия.

Молча я выхожу из сада, чувствуя, как его взгляд прожигает мне спину. Только оказавшись в коридоре, я позволяю себе сделать глубокий вдох. Руки дрожат так сильно, что я вынуждена сжать ладони в кулаки.

Иду по коридорам нашего дома – огромного, роскошного и такого холодного – чувствуя себя чужой среди этих стен.

Мысли путаются. Я не сажала эту аромеллу, но фонтан... Иллюзия исключена. Какая вероятность, что это был мой двойник?

Ничтожна! Я бы заметила, если бы это было так. Или кто-то покопался в артефакте и “чистил” его память?

Кому это нужно? Неужели все-таки Кларисса? Но ведь какими ресурсами надо обладать, чтобы такое сделать? Ведь Драгон не держит в своем доме сомнительного качества артефакты. Это я знаю наверняка.

Боги, дайте мне сил, чтобы распутать этот клубок несправедливости.

Дойдя до своих покоев, я открываю тяжелую дубовую дверь. Переступив порог, я застываю.

В кресле у камина сидит Кэролайн, моя тетя. Я не видела ее больше года – мы только переписывались. Она живет с дядей в другом конце Союза, и дорога сюда занимает несколько недель.

– Айви, дорогая! – она вскакивает и бросается ко мне, заключая в объятия. – Моя бедная девочка!

От неожиданности я не сразу отвечаю на объятие. Затем неловко обнимаю ее в ответ, ощущая смесь радости от встречи и тревоги от ее неожиданного появления. Может, что-то случилось дома?

– Тетя Кэролайн, что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, отстраняясь.

Она берет меня за руки и заглядывает в лицо. Так бережно, с такой нежностью. Что мне хочется прижаться к ней и расплакаться.

– Ох, бедняжка, я приехала, чтобы навестить тебя. Ведь так давно не виделись. А тут такое... – причитает она, усаживая меня в кресло. – Такое несчастье! Подумать только, генерал решил развестись! После стольких лет брака!

Выдохнув, я беру себя в руки.

– Так бывает, тетя, – спокойно произношу я, а у самой на душе кошки скребут.

– Что ты такое говоришь, доченька? Ты же пропадешь без мужа! Перед тобой закроются все двери и ты окажешься на улице. Разве ты этого желаешь?

“Я желаю справедливости и вернуть себя!” – едва не вырывается из моего рта, но я молчу. Тетя не поймет. Она иных взглядов.

– Это из-за того, что ты так и не смогла родить ему наследника, да? – голос тети звучит так мягко, но слова ранят, больнее любого ножа. – Я так и боялась, что это случится. В его положении продолжение рода – не прихоть, а необходимость.

Я молчу, сжимая до боли ладони в кулаки. Конечно, в бездетности всегда виновата женщина. О чем еще может идти речь? Тетя не знает про аромеллу, про то, что меня подставили, про позорный суд. Или все же знает, но не говорит?

– Моя ты девочка, твои родители были бы так расстроены, – вздыхает Кэролайн, присаживаясь на краешек моего кресла и глядя меня по волосам. – Они так мечтали увидеть тебя счастливой, состоявшейся женщиной, матерью...

Она говорит это без злого умысла, я знаю. Тетя всегда желала мне только добра. Но ее слова вызывают во мне глухую боль.

Родители были бы расстроены... Но не из-за отсутствия детей. Они были бы разочарованы тем, что я предала себя и свои идеалы.

А я ведь действительно предала. Та девушка из воспоминаний – гордая, с амбициями и мечтами о великих открытиях – куда она делась? Когда я превратилась в тень своего мужа?

В какой момент это произошло? Помню, как согласилась на брак – все случилось так быстро. После того скандала на балу, когда нас застали в компрометирующей ситуации, Драгон был настойчив. Он говорил о чувствах, о том, что никогда не встречал такую, как я... И я сдалась.

Но почему? Я ведь могла отказаться, могла настоять на своем, могла продолжить учебу и заниматься наукой. Почему я так легко отказалась от своей мечты?

Эти воспоминания такие смазанные... Ведь столько лет уже прошло. Иногда мне кажется, что те события происходили с кем-то другим, а не со мной.

– Ты ведь принимаешь то зелье, которое я тебе прислала? – спрашивает вдруг Кэролайн. – От моей знахарки? Она уверяла, что оно помогает даже в самых безнадежных случаях.

– Да, – киваю я. – Принимаю.

А толку-то? Я пила это зелье на протяжении нескольких лет, веря в чудо, которое так и не произошло. Каждый месяц надеялась и каждый месяц разочаровывалась. А Драгон становился все холоднее и отстраненнее.

– Ты должна постараться, дорогая, – тетя берет меня за руки. – Ничто так не скрепляет брак, как ребенок. Если ты подаришь генералу наследника, он забудет все обиды. Мужчины такие предсказуемые в этом плане.

Она говорит с такой уверенностью, словно это самая простая вещь в мире. Словно я не пыталась все эти годы. Словно я не плакала каждую ночь от осознания своей неполноценности.

Кэролайн снова обнимает меня, крепко прижимая к себе, и мое сердце дрогнуло. Несмотря на все ее недостатки, я чувствую искреннюю привязанность к тете. Ведь они с дядей заботились обо мне после смерти родителей. Я многим им обязана.

– Как дядя? – спрашиваю я, пытаюсь сменить тему. – Как его здоровье?

– Ох, дорогая, его дела совсем плохи, – голос Кэролайн дрожит. – Наше дело рушится. Ричард заключил сделку с торговым домом Бертрамов, вложил все, что у нас было... А они его подставили! Теперь мы на грани разорения. Ричард не спит ночами, все переживает... Я боюсь за его сердце.

Новость неприятная. Дядя Ричард всегда был осторожным и расчетливым торговцем. Он построил свое дело с нуля и всегда гордился тем, что ни разу не прогадал в делах.

– Мы думали, что ты сможешь помочь, – продолжает Кэролайн, не глядя мне в глаза. – Надеялись, что генерал... Но теперь, когда вы на грани развода...

Внутри как-то неприятно колет. Значит, ее внезапный визит не был продиктован только заботой обо мне.

– Я не могу просить его, тетя, – качаю головой. – Мы... у нас действительно сложный период. Вряд ли Драгон захочет помогать родственникам жены, с которой собирается развестись.

Кэролайн натянуто улыбается. Не по-настоящему.

– Не волнуйся, дорогая, – говорит она, беря меня за руку. – Я знаю, что делать и научу тебя.

Почему то из-за ее уверенного голоса по спине пробегает холодок. Что она задумала?

– Милая...

Глава 10

– Милая, тебе не о чем беспокоиться, – продолжает тетя Кэролайн, похлопывая меня по руке с материнской нежностью. – Я научу тебя, как вернуть благосклонность мужа.

Вернуть благосклонность того, кто мне не верит? Разве я этого хочу? Вижу этот азартный блеск в ее глазах не первый раз. Кэролайн уже не остановить.

А уж если она начнет откровенничать на тему, как важно угождать мужчинам, чтобы обеспечить себе удачное замужество, то все, это продлится до утра.

– Мужчины, дорогая моя, все одинаковы, – тетя понижает голос до заговорщического шепота. – Даже такие высокопоставленные, как твой генерал. Они обожают, когда их восхваляют. Когда жена смотрит на них снизу вверх, а не пытается соперничать.

Она придвигается ближе, и я ощущаю сладковатый аромат ее духов.

– Будь мягкой, покладистой кошечкой. Позволь ему чувствовать себя сильным, мудрым, непобедимым. И, конечно, удиви его в постели.

Удивить в постели? После всего случившегося? Нет уж, извольте.

– Тетя! Есл...

– Не смущайся, дорогая, – отмахивается от меня она. – Это природа. Мужчина может простить женщине многое, если она умеет... доставлять удовольствие. В спальне ты можешь заставить его выполнить любую твою прихоть. Уверяю тебя, он и думать забудет о разводе.

Внутри меня все переворачивается от раздражения. Не потому, что мне неприятна сама тема. И не потому, что с Драгоном у нас было плохо в этой стороне супружеских отношений – наоборот, в интимной жизни мы всегда находили гармонию, даже когда в остальном отдалялись друг от друга.

Меня возмущает сама идея, что я должна унижаться, притворяться, использовать свое тело как инструмент манипуляции. Я не пойду на такие ухищрения.

Это значит переступить через себя, через остатки своей гордости. Через свое достоинство, которое, кажется, единственное, что у меня осталось.

Тетя Кэролайн вмиг считывает мои эмоции и уже не кажется такой добродушно-милой. Ей явно не нравится мое неповиновение.

– Ох, Айви! – вскрикивает она, всплеснув руками. – Ты всегда была такой упрямой! Эта твоя гордость до добра не доведет. Неужели ты хочешь остаться одна, без положения, без средств? Подумай о будущем!

– Я думаю о будущем, – тихо отвечаю я. – Но не о таком.

– О каком же? – фыркает тетя. – О жизни старой девы, зарабатывающей жалкие гроши продажей зелий? Или ты надеешься, что другой знатный господин предложит тебе руку и сердце после развода с генералом? Так не бывает, девочка моя. Разведенная женщина – подпорченный товар.

Товар!

Вот кем она меня видит. И самое печальное, что не только мужчины такого мнения, но и сами женщины.

Внезапно дверь открывается без стука, и на пороге появляется Драгон. Он выглядит усталым, но собранным. Его темные глаза мгновенно оценивают ситуацию.

– Леди Кэролайн, – произносит он с безупречной вежливостью, но в голосе слышится лед. – Рад, что вы смогли составить компанию моей жене.

– Генерал! – тетя мгновенно преображается, расцветая улыбкой. – Какая честь! Надеюсь, вы не сочтете мой визит неуместным. Я так беспокоилась о дорогой Айви.

На лице мужа появляется вежливый оскал. Так только тигр мог бы улыбаться, который собирается откусить тебе руку. Ну или дракон.

– Ваша забота о племяннице делает вам честь, – отвечает он, проходя в комнату. – Особенно учитывая непростую ситуацию с делами вашего супруга.

Тетя вмиг напрягается, хотя улыбка остается приклеенной к ее лицу.

– Вы осведомлены... – начинает она.

– О фиаско с торговым домом Бертрамов? Да, эта новость достигла столицы. Неприятная история. Ваш муж всегда казался мне более осмотрительным.

– Обстоятельства сложились неудачно, – расправляет плечи тетя. – Ричард слишком доверился людям, которые оказались недостойны.

– Доверие – роскошь в мире торговли. Впрочем, я уверен, что лорд Норт найдет выход из положения. Он всегда славился... находчивостью.

Слова Драгона звучат так, будто он только что дядю извалял в грязи. И судя по тому, как дрогнуло лицо тети, она тоже поняла.

– Спасибо, генерал. Что ж, не буду вам мешать, – говорит Кэрлайн, поднимаясь. – Уверена, вам есть о чем поговорить с Айви наедине.

Тетя наклоняется ко мне, целуя в щеку, шепчет на ухо:

– Помни о моем совете, дорогая. Это твой шанс.

Провожая ее взглядом, я сижу, не шелохнувшись. Каждой частичкой своего тела чувствую присутствие мужа. Ощущаю его взгляд на своей коже. По спине бегут мурашки, но на лице не дрогнул ни единый мускул.

Дракон не узнает, что творится у меня в душе. Никогда не узнает. Он потерял на это право.

– И что за совет дала тебе тетушка? – спрашивает он, приближаясь, словно хищник к добыче. – Судя по цвету твоих щек, что-то весьма... интересное.

Сейчас я могу либо проиграть, либо вступить в бой. Неравный, возможно, болезненный для меня, но не унижительный.

Я выбираю второе.

– Она посоветовала то, на что я никогда не пойду, – равнодушно произношу я.

– Интригуешь, – усмехается дракон, наклоняя голову вбок. – Что конкретнее?

Он думает, что сможет меня смутить? Или ожидает, что я склоню голову? Может, в прошлом так и было бы, но не сейчас.

– Она предложила мне ублажить тебя в постели, чтобы добиться расположения.

– А ты? – Драгон медленно сокращает между нами расстояние. В нос ударяет его запах. Такой родной, любимый. Вот только сейчас он хуже ядовитого дыма. Душит, причиняет нестерпимую боль.

– Что я? А я думаю, что в постели должны получать удовольствие оба, а не один, как это было ранее, – резко отвечаю я.

Молчание...

Слишком долго муж смотрит на меня не мигая. Глаза его темнеют, хотя я думала, что это невозможно. Кажется, до него доходят сказанные мной слова.

Боги, сейчас дракона разорвет!

Глава 11

Шаг...

Еще один...

И Драгон стоит вплотную. Каждой клеточкой тела чувствую, что дракон на грани. Его дыхание обжигает мою кожу, а глаза темнеют настолько, что зрачки почти сливаются с радужкой.

Вот только мне не страшно. Боги, мне бы бежать без оглядки, но я стою и смело встречаю его взгляд.

– И что же это значит? – голос мужа обманчиво спокоен. – Если в постели было так плохо, почему же ты извивалась и стонала подо мной? Или это тоже была игра?

Его слова бьют прямо в цель, но отступить некуда. Я загнана в угол собственной ложью, и единственный выход – атаковать.

Бездна, с каких пор я стала такой отважной? Нет, не так. Впервые за пять лет я чувствую себя собой.

– В нашем обществе принято угождать мужу, – отвечаю я, – жертвуя своими желаниями. Разве ты не знал?

Что я несу? Меня будто несет по бурной реке, и я уже не контролирую, куда повернет течение. Ярость, копившаяся годами, наконец находит выход.

– Ты мог бы и сам понять, что мне с тобой не очень хорошо, – продолжаю я, глядя ему прямо в глаза. – Не то чтобы ты был совсем плох, просто... тебе не помешало бы улучшить свои навыки.

Ну все, я себя только что похоронила...

Драгон наверняка почувствует мою ложь, но хоть на долю секунды я задену его мужскую гордость. Мелочь, а приятно.

Вижу, как Драгона колотит, хотя внешне он, кажется, само спокойствие. Только желваки на скулах и сжатые в тонкую линию губы выдают бурю, бушующую внутри.

– Говоришь так, будто тебе есть с чем сравнивать, – произносит он тихо, и от этого шепота мороз пробегает по коже. – Или есть?

Вопрос повисает в воздухе, острый как кинжал. Он что, подозревает меня в измене? Еще и этого не хватало!

– Женщины разговаривают между собой, – парирую я. – Мне не нужно изменять, чтобы знать, как бывает у других.

Драгон молчит так долго, что мысленно я успела трижды умереть и воскреснуть.

Он прямо в комнате меня испепелит? Или в лапах сбросит с утеса? А может, голыми руками придушит?

Но нет, вместо всего этого, муж криво усмехается.

– Возможно, ты права, – произносит он, тем самым заставляя меня вздрогнуть. – Мне действительно не мешает попрактиковаться. Думаю, я начну прямо сейчас.

Что?

ЧТО?

Как сейчас? Зачем?

Драгон хватается меня за талию и вдавликает в себя. Уперевшись о его грудь, я пытаюсь вырваться.

– Отпусти, – шиплю я.

– Ну что ты, сейчас твой муж будет совершенствовать постельные навыки, – зло усмехается дракон. – Ты будешь довольна.

Бездна! Я совсем не подумала, что он воспримет мои слова как вызов! Что он захочет доказать свою мужскую силу прямо сейчас!

– Я не хочу, слышишь? – рычу я дергаясь. – Иди... упражняйся в другом месте.

Не знаю, что увидел муж в моих глазах, но Драгон отпускает меня и сразу же отворачивается. Тяжело дыша, он постепенно успокаивается.

– Ты знаешь, что я никогда не был насильником, Айвилена.

Знаю, но все же испугалась. Злые духи дернули меня за язык провоцировать дракона. И он преподавал мне урок. Я запомню.

– Завтра на рассвете ты уедешь, – продолжает он отступая. – В дальнейшем поместье моего друга. Там ты побудешь несколько недель, пока я улажу все с обвинениями.

Неужели дракон поверил мне? Неужели решил очистить мое имя? Надежда трепещет в груди, но тут же разбивается вдребезги, когда он говорит:

– А когда вернешься, я сам решу, какое наказание будет соответствовать твоим проступкам. Всем твоим проступкам, – голос его звучит как приговор.

Не верит. Конечно же. На что я надеялась?

Вот только, дорогой муж, у меня другие планы.

Драгон смотрит на меня еще мгновение, словно хочет что-то добавить или услышать что-то от меня. Затем, резко развернувшись, он выходит из комнаты. Дверь закрывается с такой силой, что дрожат даже стены.

Обессиленно упав на кресло, я устало потираю виски. Голова раскалывается, а в висках стучит. Нужно собраться. Подготовиться к отъезду. Решить, что делать дальше. Но тело не слушается, веки тяжелеют.

Не помню, как засыпаю прямо в кресле. Сквозь дрему чувствую тяжелый сладковатый запах. Он окутывает меня, проникает в легкие, делает мысли вязкими. Пытаюсь проснуться, но тело не слушается. Что-то не так.

В груди давит и горит, словно кто-то положил раскаленный камень. Хочу закричать, но не могу даже пошевелиться. Паника нарастает, когда я понимаю, что полностью парализована.

И вдруг все проходит. Боль отступает, и я распахиваю глаза. Комната залита лунным светом, тени веток столетнего клена танцуют на стенах. В голове вязкий туман.

Я не чувствую себя, но знаю, что мне нужно сделать.

Поднявшись с кресла, я рывком снимаю платье и белье. Надев шелковый халат, я выхожу из спальни. Коридор пуст и тих. Только мои босые ноги мягко ступают по ковру. Я иду, не задумываясь о направлении. Тело словно знает путь.

Останавливаюсь у тяжелой дубовой двери. Рука сама тянется к ручке.

Я знаю, куда пришла. Знаю, кто за этой дверью.

Глава 12

Один рывок, и я захожу в покои Драгона. Лунный свет струится сквозь полуприкрытые шторы, бросая серебристые блики на темную мебель. Тишина обволакивает меня, нарушаемая лишь шелестом занавесей от ночного ветерка.

Едва слышно прохожу через гостиную. Сердце бьется так громко, что, кажется, его стук слышат все вокруг. Что я здесь делаю? Зачем пришла к нему?

На мгновение остановившись у дверей спальни, я пытаюсь перебороть себя и уйти, пока не поздно. Но мое тело живет отдельно от разума. И вот я будто со стороны смотрю на то, как моя рука открывает дверь.

Боги, помогите! Что со мной творится?

Замираю, когда вижу обнаженного Драгона в постели. Сейчас он кажется менее суровым. Резкие черты лица смягчены, темные волосы растрепаны. Дыхание его ровное, спокойное. Не рычит.

Смотрю на сильные руки, широкую спину, и что-то внутри вздрагивает. Хвала богам, дракон набросил на себя черную простыню. А ведь я знаю, что спит генерал обнаженным. Не любит, когда тело что-то сковывает.

Он красив той суровой мужской красотой. И это глупо отрицать. Я всегда это знала. Вот только внешней красоты мало, нужна еще и внутренняя. Вот тут получился промах.

Но почему я иду к нему, вместо того, чтобы бежать без оглядки? Тело меня не слушается, словно управляю им не я, но кто? Ведь ментальное воздействие строго карается законом. Кто осмелился, да еще в доме генерала?

Делаю шаг вперед, потом еще один. Прохладный воздух касается кожи, но внутри меня бушует огонь.

Бездна, я в ловушке!

Остановившись у кровати, я развязываю пояс. Шелк струится по моим плечам и оседает у ног. Переступив его, я проскальзываю в постель к мужу. Задержав дыхание, я жду, когда дракон проснется.

Неужели так крепко спит? Устал? А может, у него что-то болит?

Нет! Ну что за бредовые мысли в голове? Какое мне дело до того, устал ли Драгон или нет?

В висках пульсирует, когда я протягиваю руку и касаюсь Драгона. Сначала неуверенно кладу руку на его широкую спину, затем глажу мускулистые руки. Прижавшись нагим телом к дракону, я прикасаюсь к его мощной груди.

Задержав дыхание всего лишь на мгновение, моя рука медленно-медленно спускается. Это какое-то безумие!

Ныряю пальцами под простыню и, еще немного, я прикоснусь...

Внезапно мою ладонь перехватывают. Мгновение, и я лежу на спине, а надо мной нависает Драгон. И взгляд его не сонный, а сосредоточенный. Я забываю как дышать. Хочу сказать, чтобы он меня отпустил, что это ошибка. Что на меня воздействуют, но нет, я лишь приоткрываю пересохшие губы и провожу по ним языком.

Взгляд дракона тяжелеет. В его глазах и без того плескалось желание, а сейчас в них дикий голод.

От волнения становится тяжело дышать. Драгон медленно скользит взглядом по моему телу, задерживая внимание на груди, затем вновь возвращается к глазам.

В следующий миг его губы обрушиваются на мои с неистовой силой. Никакой нежности – только дикая, голая страсть, которая сносит все на своем пути.

Я задыхаюсь от напора мужа. Поцелуй властный, требовательный, почти агрессивный. В нем вся накопившаяся между нами ярость, все невысказанное, вся боль, превратившаяся в огонь.

Сердце колотится бешено, кровь бурлит в венах. Этот поцелуй как взрыв, как удар молнии. Дракон не просит разрешения, он берет. И я отвечаю с той же неистовостью, вкладывая в поцелуй всю свою злость.

Мы словно пытаемся поглотить друг друга, растворить в этом безумном слиянии губ.

Чувствую себя на краю пропасти. Каждое прикосновение губ дракона отзывается огненными вспышками по всему телу.

Разум отключается, остаются только инстинкты, только эта дикая, необузданная потребность.

Драгон скользит губами по моей шее. Нежно целует там, где пульсирует венка, и спускается ниже. Когда он втягивает в рот горошинку на груди, мой мир меркнет. Бедрями чувствую силу желания дракона.

Бездна!

Нет! Это не должно произойти!

Но мое тело мне не принадлежит. Сильнее выгнувшись, я развожу шире бедра, а дальше все горит в огне.

Утренние лучи солнца щекочут мое лицо, вырывая из глубокого сна. Веки тяжелые, голова словно ватная. Медленно открыв глаза, я замираю.

Это не моя комната.

Высокие потолки, темная мебель, массивная кровать с черными столбиками. Сердце начинает колотиться, когда осознание обрушивается на меня как ледяная волна.

Я в спальне Драгона.

Пытаюсь вспомнить вчерашний вечер, но в памяти только обрывки. Размытые образы, смутные ощущения. Будто сквозь густой туман.

Осторожно поднимаю простыню, и кровь стынет в жилах. Я без одежды. Ткань выskalывает из онемевших пальцев.

И тут память подбрасывает воспоминания. Драгон... его руки на моей коже. Жар, который пробежал по телу от его прикосновений. Я помню, как выгибалась под ним... Ужас сжимает горло.

Закрываю лицо руками, пытаюсь скрыться от этой кошмарной реальности. Но воспоминания продолжают всплывать. Его губы на моей шее.

Почему это произошло? Я бы никогда не пошла к дракону! Даже если бы истекала кровью. Даже если бы от него зависела моя жизнь. Не пошла бы! Никогда!

А тут...

Стоп!

Почему память такая туманная, будто я была пьяна? Это ненормально! То, что произошло – ненормально!

Кто-то или что-то заставило меня прийти сюда, лишило контроля над собственным телом.

В дверях купальной комнаты раздается тихий звук шагов. Замираю, даже дышать перестаю. В проеме появляется Драгон. На нем только полотенце на бедрах, волосы влажные — видимо, после купания. Капельки воды стекают по груди, оседая на белой ткани полотенца.

Взгляд мужа тяжелый, нечитаемый. В темных глазах плещется... злость? Мне не показалось?

Прижав простыню к груди, я инстинктивно отползаю к изголовью кровати. Между нами словно натягивается невидимая струна. Воздух трещит от напряжения. Глаза дракона скользят по моему лицу, по плечам, задерживаются на пальцах, судорожно сжимающих простыню.

– Собирайся, – холодно бросает он.

Глава 13

– Собирайся, – холодно бросает Драгон, и его слова словно ледяные осколки вонзаются в мою кожу.

– Куда? – голос мой хриплый, едва слышный.

– В поместье Рейвенвуд. К Морану. Уезжаешь через полчаса.

Внутри все замирает. Неужели дракон не заговорит о прошедшей ночи? Не спросит, почему я пришла сама? А может, он понял, что я была под внушением? Но все равно воспользовался?

Это низко даже для него. Но я должна сказать.

– Вчера...

– Приказ не обсуждается, – обрывает он, отворачиваясь к шкафу. – Твои вещи уже собраны.

Драгон дает понять, что не желает слышать мои объяснения. Ну что ж, так даже лучше. Сегодня я уеду и больше не вернусь в этот дом. Никогда!

Отвернувшись от мужа, я замечаю, что рядом с кроватью аккуратно сложено платье, нижнее белье, туфли. Кто-то позаботился об этом, пока я спала. Неужели лично Драгон?

Вряд ли дракон на такое способен. Скорее всего, приказал служанке.

Краем глаза смотрю как муж натягивает рубашку. Он ведь уйдет?

– Ты мог бы... – прочищаю горло я, крепче сжимая простыню. – Ты мог бы оставить меня одну?

Драгон замирает, затем медленно поворачивается ко мне. Его бровь насмешливо изгибается.

– Серьезно? После того как ты вчера извивалась подо мной? Откуда это внезапное стеснение, Айви?

Вот же гад! Несносный... надменный... драконище! Злость жалит изнутри. Этот раунд я не проиграю.

Глядя в глаза Драгона, я отбрасываю одеяло. Не спеша поднявшись с кровати, я тянусь за одеждой.

Не сделав ни одной попытки прикрыть наготу, я прохожу мимо замершего дракона в купальню.

Ох, вот это взгляд! Не знаю, насколько сильно муж меня ненавидит, но желает не меньше. Вот только это была последняя наша ночь, так что пусть запомнит.

Наспех ополоснувшись, я одеваюсь так быстро, как только могу. Застегнув последние пуговицы на платье, я бросаю взгляд в зеркало. Бледное лицо, растрепанные волосы, в глазах – отражение внутренней бури. Собираю волосы в простую прическу, лишь бы не выглядеть полностью разбитой.

Выйдя из купальни, я ожидаю встретить Драгона, но гостиная пуста. Видимо, он не счел нужным даже попрощаться. Тем лучше. Не хочу его видеть.

Коридоры особняка кажутся бесконечными. Каждый поворот, каждая лестница словно растягиваются в пространстве. Наконец, выхожу во двор и шурю от яркого утреннего солнца.

У главного входа уже стоит темная карета без опознавательных знаков. Рядом суетится Сильва, руководя погрузкой багажа. Заметив меня, она бросается навстречу.

– Госпожа! Все готово. Я собрала ваши основные вещи, как было приказано.

– Кем приказано? – спрашиваю я и уже знаю что услышу.

– Генералом, конечно. Еще вчера вечером.

Вчера? А что, если это он меня как-то одурманил? Но зачем? Ведь дракон мог просто взять то, что ему принадлежит по праву. Зачем эти ухищрения?

Не успеваю я все обдумать, как со стороны дома раздается крик:

– Айви! Айви, подожди!

Обернувшись, я вижу тетю Кэролайн, спешащую ко мне. Она бледна, будто всю ночь не спала. Даже белила не скрывают синяков под глазами. Может, ее плохо расположили?

– Девочка моя, что происходит? – спрашивает она, хватая меня за руки. – Куда ты уезжаешь?

– Я уезжаю, тетя, – отвечаю сухо.

– Но... почему? – в ее глазах мелькает что-то странное. Страх? Разочарование? – Я думала... после вчерашнего...

– Что, после вчерашнего? – прищуриваюсь я.

Она за мной следила? Но точно не могла наложить чары. В Кэролайн нет ни капли магии. Она сама говорила, что много лет назад потеряла ее по глупости.

Тетя наклоняется ближе, понижая голос до шепота:

– Неужели ты не воспользовалась моим советом? Я же говорила, как нужно действовать!

Ну конечно, а как еще можно приручить мужа, как не удовлетворить его в постели? И почему меня это так злит? Ведь не потому что у меня не получилось?

Нет, не поэтому. Кто-то подло меня подставил, и этот кто-то находится со мной под одной крышей.

– Тетя, генерал не дядя Ричард или какой-нибудь другой мужчина. Он дракон, и на такие дешевые манипуляции не поведется, да и я не собираюсь проверять. – холодно отвечаю я. – Извини, но мне пора. Я позже напишу.

– Не обижайся, милая. Ты же мне как дочь, – внезапно ласково произносит Кэролайн, крепко меня обнимая. Даже чересчур крепко. – Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Двери нашего дома для тебя открыты.

Становится мерзко от себя самой. Она ведь действительно хотела как лучше, а я на ней сорвалась.

– Извини, настроение у меня не очень, – говорю я. – Я позже напишу, правда.

– Мы будем ждать, – всхлипывает Кэролайн.

Если задержусь еще хоть на секунду, то точно потеряю лицо и разревусь. Упасите Боги Драгон это увидит и подумает, что из-за него.

Отвернувшись, я забираюсь в карету.

– Трогай! – кричит кучеру Сильва, и карета срывается с места.

Откинувшись на сиденье, я закрываю глаза. Внутри все кипит от боли и несправедливости.

Все сводится к тому, что я чья-то марионетка. Артефакт не может врать. Я действительно посадила эту чертову аромеллу. Но почему ничего о ней не помню? А если воздействие было такое же, как и вчера, то почему я помню вчерашнюю ночь, пусть даже и отрывочно.

Где спрячется мой враг? И какие цели он преследует?

Карета катится по мощеным улицам, затем выезжает на тракт. Спустя час мы въезжаем в лес. Густые кроны деревьев смыкаются над нами, создавая зеленый тоннель. По обеим сторонам кареты едут всадники – охрана, выделенная Драгоном.

В голове крутятся обрывки мыслей, но ни одна не задерживается надолго. У меня будет несколько недель в поместье Рейвенвуд, чтобы все обдумать. Чтобы понять, что делать дальше. Чтобы спастись от всего этого безумия.

Убаюканная мерным покачиванием кареты, почти задремываю, когда внезапно экипаж резко останавливается. Подавшись вперед, едва не падаю с сиденья.

– Что происходит? – испуганно спрашиваю у Сильвы.

– Не знаю, госпожа, – бледнеет девушка.

Снаружи доносятся крики, звон металла о металл, ржание испуганных лошадей. Сердце заходится в бешеном ритме. Нападение? Разбойники?

Прижавшись к дверце, я пытаюсь что-то разглядеть в узкое окошко. Вижу мелькающие фигуры, блеск клинков, падающие тела.

Вдруг все стихает. Наступает жуткая, неестественная тишина. Сжавшись на сиденье, я стараюсь не дышать.

И в этот момент дверца кареты с грохотом распаивается.

Глава 14

Вжавшись в сиденье, я с ужасом смотрю, как в проеме появляется высокая мужская фигура в черном. Лицо скрыто маской, оставляющей видимыми только глаза – холодные, пронизывающие, как осколки льда. От этого взгляда мороз пробегает по коже.

– Именем верховного дознавателя, – голос звучит металлически, без эмоций, – вы арестованы, леди Айвилена Роквелл.

Воздух застревает в легких. Арестована? Я?

– Должно быть, ошибка, – выдавливаю, пытаюсь сохранить самообладание. – Я жена генерала Роквелла, я...

– Я в курсе, чья вы жена, леди, – обрывает он, протягивая руку в черной перчатке. – Выходите.

– Госпожа... – вскрикивает Сильва, но яростный взгляд “перчатки” заставляет ее замолчать.

Надеюсь, ей они не причинят вреда.

Сглотнув комок в горле, я осторожно выглядываю наружу. Кровь стынет в жилах. Возле кареты стоят еще примерно десять человек в таких же темных одеяниях и масках. Моя охрана лежит на земле.

Мертвы? Без сознания?

Не могу понять, но от этого ужаса к горлу подкатывает тошнота.

– А генерал знает...

– Выходите, – резко повторяет незнакомец. – Или вам помочь?

Понятно, как он поможет.

– Благодарю, но я сама, – спокойно отвечаю я и с достоинством настоящей леди выхожу из кареты.

Кто бы это ни был, но я не порадую их своим страхом. Не дождутся!

– Что происходит? Мне кто-нибудь объяснит?

Не бойся, Айви. Не паникуй. Все нормально.

Но вместо ответа “перчатка” делает резкий жест. Воздух вокруг нас начинает мерцать, искривляться, формируя портал.

Что они творят? Не пойду!

Шаг назад, второй и только я разворачиваюсь, чтобы убежать, как меня больно хватают за локоть и буквально швыряют в портал. Мир вокруг смазывается, превращаясь в смесь цветов и звуков. Желудок скручивается, голова кружится. Кажется, я сейчас потеряю сознание...

И вдруг все прекращается. В следующий миг я падаю на холодный каменный пол. Вокруг сырые стены, запах плесени и затхлости. Темница.

Меня грубо поднимает “перчатка” и толкает вперед. Споткнувшись, больно ударяюсь коленями о камни.

Липкий страх пробирает насквозь. В каком кошмаре я оказалась? Что мне делать?

– Вы совершаете ошибку, – говорю я, поднимаясь на ноги. – Мой муж найдет меня и...

– Ваш муж? – раздается холодный смешок из-под маски. – Думаете, он не знает, где вы? Что?

Драгон знал?

Но какой в этом смысл? Зачем эти многоходовки? Не проще было меня арестовать дома? К чему этот спектакль с поместьем?

Нет, тут точно что-то нечисто. Да и глупо слепо верить в слова не пойми кого. Рано делать выводы.

Меня втаскивают в маленькую камеру с решетчатой дверью. Внутри только деревянная лавка и ведро в углу. Дверь захлопывается с лязгом, поворачивается ключ.

Голова ходит кругом. Меня притащили сюда как какого-то матерого преступника. Будто они боятся, что леди сможет сбежать из темницы.

Мне даже не предъявили никакого обвинения. Разве это по правилам? Разве так проходит верховный суд?

Нет, здесь точно что-то не так, но что именно?

В темнице холодно и сыро. Обхватив себя руками, я пытаюсь согреться. Платье, в котором я выехала из дома, слишком тонкое для такого места.

Дрожь пробегает по телу – от холода, от страха, от унижения.

Кто эти люди? Они мало похожи на представителей власти. Если бы это было так, то зачем им скрывать свои лица?

А главное, что они сделают со мной?

Сев на лавку, я прислоняюсь к стене. Не знаю, сколько времени проходит – час, два, может, больше. В темнице нет окон, только редкие магические камни на стенах отбрасывают дрожащие тени.

Наконец, слышу шаги. Дверь камеры открывается, и двое стражников в масках приближаются ко мне.

– Следуйте за нами, – командует один.

– Куда? – вот только ответа я так и не слышу.

Понимаю, что если я сейчас буду истерить или откажусь идти, то меня за волосы потащат. Поэтому, решив сохранить остатки достоинства, я сама выхожу из камеры.

Меня ведут по узким коридорам, поднимаемся по лестнице. Затем через массивные двери входим в просторное помещение с высоким потолком.

Понятия не имею где я, но это точно не здание суда. Я в ловушке...

Глава 15

Здесь нет скамей для публики, нет писарей, нет свидетелей. Только стол, за которым сидит сухонький мужчина с жиденькой бородкой в судейской мантии, и "перчатка".

Вокруг царит полумрак. Холодный и пугающий. Воздух спертый, тяжелый, словно пропитанный страданиями тех, кто был здесь до меня. Кожа покрывается мурашками, а в груди разливается ледяной ужас.

– Подойдите, – голос судьи сухой, бесстрастный.

Стою, не шелохнувшись, чувствуя, как ноги будто вросли в каменный пол.

Судья только недовольно выдыхает, а "перчатка" просто смотрит. Каждой клеточкой тела чувствую его пронизывающий взгляд, словно ледяные иглы впиваются в кожу.

Горло сжимается, дыхание перехватывает. Хочется обхватить себя руками, чтобы хоть как-то защититься, но я и этого не делаю.

Они примут это за слабость, а я не имею права сейчас такой быть. Несмотря на дрожь, пробегающую по телу, заставляю себя стоять прямо, гордо, как учила мать. "Никогда не показывай страх врагу," – звучит её голос в голове.

– Айвилена, жена генерала Роквелла, – начинает судья, в упор глядя на меня, – вы обвиняетесь в использовании запрещенной аромеллы против своего супруга. Доказательства представлены и изучены. Поэтому ваша вина неоспорима.

Эти слова бьют под дых сильнее любого физического удара. Я задыхаюсь от несправедливости обвинения, от ярости, вскипающей в крови. Сердце колотится так, что я слышу его стук в ушах.

Это точно не суд, это казнь!

– Ваша честь, я не вижу в зале мужа, – только Боги знают, чего мне стоит стоять с идеально выпрямленной спиной и держать маску безразличия, когда внутри все кричит от возмущения и страха. – Ведь только он может меня обвинять. Но если у вас есть заверенная доверенность...

– Молчать! – рявкает судья, и его голос отдается болезненным эхом в моей голове. – Суд признает вас виновной. Однако, учитывая ваше положение жены генерала, суд проявляет снисхождение. Вам дается полгода, чтобы доказать свою невиновность. Если вы не сможете этого сделать, то будете казнены за государственную измену.

Внутри все обрывается от боли и страха. Комната начинает кружиться, к горлу подкатывает тошнота. Казнь отложили, и мне дают шанс.

Вот только почему мне кажется, что и не помощь это вовсе, а тщательно продуманный план. И я в нем просто пешка.

Но кто за этим стоит?

Сейчас я могу закричать, что невиновна, что все это ложь, что меня оговорили, опоили. Но кто в это поверит? Губы дрожат от желания выкрикнуть правду, но разум заставляет молчать.

Нет, я пока уж помолчу. Пусть считают меня глупой и трусливой. От них не ожидают отпора.

А я его дам. За полгода обязательно докажу, что невиновна. Я найду того, кто это сделал, и заставлю заплатить.

Но где на самом деле Драгон? Почему не здесь?

В который раз горечь от его предательства растекается во рту. А если это не по его инициативе "суд"? То Сильва уже должна была сообщить мужу о нападении. Он должен меня искать. Или все же не должен?

– Присупить к нанесению клейма, – холодно велит судья.

Что? Клейма?

Кровь стынет в жилах. Нет, только не это! Я знаю, что это значит!

"Перчатка" медленно движется ко мне. От этого движения веет такой опасностью, что я инстинктивно отступаю, желудок скручивается в тугой узел. Только чтобы не подошел, не прикоснулся. Иначе...

– Стоять! – холодно велит "перчатка", и меня парализует.

Я не в силах даже пальцем пошевелить. Он меня магически обездвижил. Паника накрывает с головой, дыхание становится рваным, поверхностным. Я пленница в собственном теле!

"Перчатка" подходит вплотную. Из-под капюшона я не вижу лица, только тени. Он снимает правую перчатку, и в его руке сразу же вспыхивает огонь – ярко-красный, почти белый в центре. Жар опалает мое лицо даже на расстоянии.

Нет!

Рыдание подкатывает к горлу, но я не могу даже это.

– Лучше убейте, – шепчу я, глядя туда, где должны быть глаза "перчатки". Голос дрожит, слова даются с трудом.

На что я рассчитываю? На сострадание? У них?

Рука "перчатки" движется к моей груди. Когда пылающие пальцы касаются меня через ткань платья, боль пронзает все тело.

Такая невыносимая, что сознание мутится. Крик застревает в горле, мир кружится и темнеет. Огонь не прожигает ткань, он добирается до кожи, впивается в плоть, проникая глубже, до самой души. Каждая клеточка тела горит, словно меня бросили в пламя целиком.

В глазах мутнеет, звуки доносятся как сквозь толщу воды. Последнее, что я слышу перед тем, как потерять сознание – тихий шепот: "За шесть месяцев он падет."

Прихожу в себя от прикосновения прохладного ветерка к лицу. Медленно открыв глаза, я вижу над собой кроны деревьев, сквозь которые пробиваются солнечные лучи. Где я? Сознание возвращается медленно, вместе с воспоминаниями.

С трудом сев, морщась от острой боли в груди, я медленно выдыхаю. Каждый вдох отдается огнем, будто легкие наполнены раскаленными углями.

Опустив взгляд, я смотрю на мятую ткань платья. От огня нет ни следа, его и не должно быть. Эта метка невидима для людей, но для любого мага я сверкаю как огонь.

Эта печать, метка осужденной накладывается на душу. Пульсирующая боль напоминает о том, что произошло, не дает забыть ни на секунду.

И если я не докажу свою невиновность за полгода, то метка меня убьет. Горечь этой мысли ядом растекается по венам.

В ушах начинает шуметь, а сердце болезненно сжимается. Чья это игра? Почему я втянута в нее?

"Так, прекрати, Айви!" – даю себе мысленной пинок.

Сейчас не время отчаиваться. Нужно действовать. Сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони до крови, но эта боль отрезвляет, фокусирует.

Но как, бездна его дери? Как мне доказать, что я невиновна? Я одна против всего мира. Как мне сразаться с невидимым врагом?

Отчаяние подступает, сдавливая горло.

– Невидимым... – шепот мой тонет в шуме листвы. – Я сама должна стать такой.

Так, где я оказалась?

Поднявшись, я оглядываюсь вокруг, преодолевая головокружение и слабость. Я на поляне посреди леса. Ни дорог, ни тропинок, ни признаков обитания людей. Дикая, необжитая глушь.

– Прекрасно! Меня бросили на корм зверью. – Горький смешок вырывается из груди, обжигая болью.

Паника поднимается внутри, но я заставляю себя дышать глубже.

– Я им для чего-то нужна, поэтому они не могли оставить меня в опасности. – Цепляюсь я за эту мысль.

Делаю первый шаг, затем второй. Каждый дается с трудом, но я упрямо двигаюсь вперед. Не знаю, куда иду, просто вперед. Должен же быть выход из этого леса, должна быть деревня, город, люди, которые помогут.

Надежда – слабая, но единственная.

Внезапно поляну накрывает тень. Огромная, нечеловеческая. Замерев, не смея обернуться, чувствую, как ледяной ужас сковывает тело. В следующий миг воздух сотрясается от оглушительного рева – дикого, первобытного, от которого стынет кровь в жилах и подкашиваются ноги.

Глава 16

Не нужно делать резких движений. Они могут принять это за агрессию и напасть. Но что, бездна его дери, здесь делает этот зверь? Неужели я так близка к Грозовым Пикам?

Ладно, нужно встретиться с опасностью лицом к лицу и желательно быть храброй.

Медленно обернувшись, я застываю.

– Ксар...

***

Три года назад. Магическая академия Аэтерион.

– Айви, да ты с ума сошла! – от волнения заламывает руки Лира, моя подруга и соседка по комнате.

– Напротив, Лира. Если я приручу Ксара, то получу последний ингредиент для своего зелья, – спокойно отвечаю я, продолжая красться к стойлу.

Ксар – это дикий самец дракариона. И только я могу его кормить с руки. Иногда.

Много тысячелетий назад красные драконы взбунтовались против своих сородичей и ушли за Грозовые Пики.

Дикая местность. За это они были прокляты и полностью утратили свою человеческую половину. Став дикими, полуразумными существами.

Спустя долгие годы дракарионов начали приручать. Так говорят учебники. Но я то знаю, что это дракарион выбирает себе спутника. Человека, близкого себе по духу.

Чистокровных драконов все меньше, поэтому те, кто не может полноценно обращаться в зверя, пытаются счастье найти себе дракариона и стать его всадником. Стать одним целым.

– Айви, но в тебе нет ни капли драконьей крови. Тебя он не признает, – говорит подруга.

Да что она понимает! Я чувствую Ксара. Чувствую эту тонкую нить связи. Ну и что, что я человек? Ну и что, что дракарионы никто не выбирали спутника магов без драконьей крови?

Они не понимают!

– Он тебя убьет! – не оставляет попытку меня остановить подруга.

Ей не понять. Она целительница, и ей уготована роль любимой жены. А я другая. Я недавно стала сиротой.

Каждую ночь мне снятся родители. То, как они неподвижно лежат в кровати взявшись за руки. Сердце сжимает в тиски от горьких воспоминаний, и к горлу подкатывает ком.

Они не могли просто так умереть. Мама с папой были магами в полном расцвете сил. Накануне мы прогуливались вдоль леса. Это был незабываемый вечер. Такой теплый, и в какой-то момент я подумала, что они со мной прощаются.

Но нет, мне это точно показалось.

Вынырнув из воспоминаний, я пытаюсь прийти в себя. Я должна быть сильной. Я должна найти того, кто лишил меня родных. Для этого мне нужна власть, а дать ее мне могут только драконы.

Я стану важной для них. Стану той, ради которой они пойдут на многое. А для этого мне нужен дракарион.

Я это сделаю!

– Лира, тогда не смотри, – улыбаюсь я подруге и прохожу в гнездовье, место, где содержатся дракарионы академии.

Здесь никого. Ну конечно, ночь на дворе. Все спят давно. Да и кому взбредет в голову пробираться к дракарионам? Даже безумный к ним не сунется.

Я не безумная! Я в отчаянии.

Все мои цели летят в Бездну.

Стоило Ксара находится в самом конце. Отдельно от других. Лира не заходит, боится. Оно и понятно, для простых магов выдержать ауру дракариона тяжело. А если их десятки?

Поэтому подругу я не осуждаю. Самой немного неудобно.

Перехватив покрепче большой шмат мясного пирога, я подхожу к стойлу Ксара.

Видели бы меня другие, сказали, что я с ума сошла. Кормить дракариона пирогом, в то время как они едят сырое мясо. А вот этим я и подкупила Ксара. Вот чувствовала, что ему понравится.

На протяжении месяца я его подкармливала пирогами. И вот настал этот день.

– Привет, – улыбаюсь я дракариону. Дышу ровно, без волнения. Звери это чувствуют. – Я в гости пришла.

Стоит. Смотрит на меня, но не протестует. С ума сойти. Ксар никого к себе не подпускает. Говорят, он бешеный. Его не оседлать. Даже еду ему бросают как собаке, боясь подойти.

А я подхожу. Даже глажу иногда. Он все понимает. Ксар выделяется на фоне своих сородичей. Он другой. Разумный.

Протянув кусок пирога, я наблюдаю за тем, как он осторожно слизывает с моей руки. Не кусает. Дракарионов не кормят с рук. Никогда! Кто хочет умереть или на худой конец остаться калекой?

– Ты не хочешь расправить крылья? – тихо спрашиваю я и ловлю осмысленный взгляд дракариона.

Останавливается. Не жует. Смотрит настороженно.

– Если ты позволишь, то полетаем вместе, – уверенно говорю я.

Нельзя бояться! Не смей.

Ксар отходит, показывая, что он не против.

Оседлать дракариона может только его спутник. Не это ли знак?

Медленно, но уверенно беру седло и прохожу в стойло. Ох, видел бы меня сейчас ректор Ахмаидей. Он с приступом свалился и явно не дожил бы до своего трехтысячелетия.

Да, истинные драконы живут долго.

Осторожно седлаю Ксара и вывожу из стойла.

– Ай... Айви, – в полуобморочном состоянии шепчет из-за угла подруга.

Ксар поворачивается и выпускает клубок дыма в сторону Лиры.

– Тише, она моя подруга, – произношу я.

Мы выходим на открытую площадку.

Ксар расправляет свои мощные крылья. Сколько он сидит в стойле? Несколько месяцев, не меньше.

Чешуя дракариона переливается в лунном свете, словно россыпь рубинов. Он поворачивает ко мне голову и внимательно смотрит, будто оценивая меня

– Ну же, – шепчу я, проводя рукой по его шее.

Ксар плавно опускается на землю. Затем он медленно вытягивает левое крыло, образуя своеобразный мост.

Я забираюсь и устраиваюсь в седле. Ксар терпеливо ждет, пока я найду удобное положение.

– Хороший мальчик, – шепчу я и ласково глажу его по шее.

В отличие от истинных драконов, дракарионы меньше размером, но всё равно впечатляют своими габаритами.

Один мощный толчок – и мы летим. Воздух бьёт в лицо, развеивает волосы, заставляет глаза слезиться. Но это неважно. Важно чувство свободы, охватывающее каждую клеточку тела.

Нужно закрепить связь. Тянусь к своему ядру, чтобы освободить магию, но что-то идет не по плану. Ксар резко уходит влево. Ремешки на седле не выдерживают и рвутся. Я лечу вниз.

В эту секунду нет страха. Только стыд. Какой позор! Я не удержалась в седле.

Падение длится всего мгновение, когда осознание накрывает меня ледяной волной. Земля стремительно приближается, и появляется страх.

Я не хочу умирать.

Внезапно оглушительный рев раскалывает пространство, и воздух вокруг сгущается от невероятной магической мощи. Я не успеваю даже закричать, когда гигантские когтистые лапы смыкаются вокруг моего тела.

Черный дракон. Не просто дракон – истинный. Его чешуя поглощает лунный свет, не отражая ни единого блика, как будто соткана из самой ночи. Он настолько огромен, что Ксар рядом с ним кажется детенышем. Такой в Союзе только один.

Сердце пропускает удар, а в горле пересыхает. В Академии? Невозможно!

Мощные взмахи крыльев замедляют наше падение, и дракон плавно снижается. Воздух вокруг дрожит и искажается. Магия трансформации.

Миг – и вместо лап мужские, сильные руки.

Боги милостивые, эти глаза! Черные, как бездна, с вертикальными зрачками, которые, кажется, видят меня насквозь.

Я поднимаю взгляд, и мир вокруг замирает. Драгон Роквелл. Генерал огнекрылой армии. Самый могущественный дракон Союза.

Удар сердца, второй, третий. Время останавливается.

– И вот мы опять встретились, Айви...

Вынырнув из воспоминаний я смотрю на дракариона. Внутри все переворачивается от боли. Когда я успела забыть то, что действительно было важно для меня? Как это произошло?

– Привет, Ксар, – произношу я, улыбнувшись немного неуверенно.

Столько лет прошло, а я ведь так и не приручила дракариона. Он ведь сейчас съест меня может. Бездна! А ведь не сбежишь.

Но нет, Ксар делает иное. Не может быть!

– Ты уверен? – голос мой дрожит, а как иначе? Ведь дракарион делает то, что я меньше всего от него ожидала.

Глава 17

Ксар медленно опускается на землю и плавно вытягивает крыло в мою сторону, образуя мост. И не так, как когда-то давно в академии, иначе. Вот сейчас я понимаю, что это действительно желание дракариона.

Мое сердце пропускает удар.

Где-то глубоко внутри появляется та Айви, которая умела мечтать и не боялась никаких препятствий. Была храброй и уверенно шла к своей цели.

– Ты уверен? – голос мой дрожит, а как иначе?

После стольких лет, встретиться с Ксаром и дракарион сам предлагает мне сесть на него! Он не забыл. Помнит.

Душу рвет на части.

Ксар отвечает тихим рычанием и чуть подталкивает крыло ближе ко мне. Его рубиновая чешуя переливается на солнце, а в янтарных глазах я вижу... Радость?

Будто он ждал меня.

А ведь каким-то образом нашел в этом месте.

Глубокий вдох.

Если бы меня сейчас видел ректор Ахмаидей, его седая борода точно поседела бы еще раз. "Не думай, Айви. Просто сделай это," – шепчу я себе.

Осторожно опустившись на колени, я ползу по теплomu крылу дракариона. Чешуйки слегка покалывают кожу сквозь тонкую подошву сапог. Добравшись до спины, обнаруживаю, что седла нет, но это уже не пугает. Что-то внутри подсказывает, что я не упаду. Не в этот раз.

– Ну хорошо, красавец, – шепчу я, устраиваясь между его шипастыми наростами и обхватывая руками мощную шею. – Только не сбрасывай меня, договорились?

Ксар утробно порывивает, будто смеется.

С одного мощного толчка мы взмываем. Ветер мгновенно бьет в лицо, выбивая воздух из легких. Чтобы не свалиться, я крепче вцепляюсь в шею дракариона.

Мы проносимся над верхушками деревьев так низко, что я могу различить отдельные листья.

– Куда ты меня несешь? – кричу я, но мои слова уносит ветер.

Или можно подумать Ксар ответит и я пойму. Я чувствую, что нужно довериться.

Не успев вздохнуть, я ощущаю как внутри разливается тепло. Не обычный жар тела, это что-то другое. Родное.

Горит прямо в груди. А оттуда во все стороны тянутся невидимые, но ощутимые нити – прямо к сердцу Ксара. Я чувствую его.

Это связь. Та самая, о которой я мечтала в прошлом. А сейчас? Хочу! Нужно только вернуть прежнюю себя.

– Ты выбрал меня. Ты действительно выбрал меня! – шепчу я, прижавшись к спине своего спутника.

Я больше не одна. После стольких лет одиночества, после потери родителей, после всех испытаний – я нашла родственную душу. Или это она нашла меня?

Счастливо улыбнувшись, я опускаю взгляд, и сердце замирает.

Вот извилистая река. Широкая поляна, где мы с отцом собирали лечебные травы. А вот... о боги, нет!

Внутри все обрывается.

Внизу, среди разросшихся деревьев, виднеется двухэтажный дом. Мой дом. Место, где я выросла. Место, которое не видела с тех пор, как похоронила родителей.

Ксар начинает снижаться, и я не сопротивляюсь. Каким-то образом он знает, что я должна здесь оказаться.

Мы приземляемся в том, что когда-то было ухоженным садом. Теперь это заросли сорняков выше пояса, одичавшие фруктовые деревья и колючие кусты, захватившие некогда аккуратные дорожки.

Старая беседка покосилась набок.. Фонтан в центре сада давно пересох, а в его чаше свили гнездо какие-то птицы.

Соскальзываю со спины Ксара, и ноги подкашиваются от боли. Сколько лет прошло? Кажется – целая вечность.

Сам дом выглядит на удивление крепким. Конечно, краска местами облупилась, ставни перекосились, а крыльцо поросло мхом, но стены стоят прямо, а стекла в окнах целы. Как будто дом ждал, что я вернусь.

– Почему ты привел меня сюда?

Сделав шаг к дому, как вдруг Ксар рычит.

– Что случилось? Кто-то находится в кустах? – осматриваю я заросли.

Но дракарион смотрит мне в глаза. Будто чего-то ожидая.

– Ну конечно, – хлопаю себя по лбу.

Как я могла забыть? В древних текстах говорилось, что связь между спутниками должна быть скреплена кровью. Звучит жутковато, но на самом деле это не опасно. Дракарион никогда не причинит вреда своему спутнику.

Медленно подойдя к Ксару, я протягиваю ладонь. Сердце колотится, но не от страха – от волнения. Ксар наклоняет пасть.

Дыхание его горячее, с легким запахом серы. Он очень осторожно, словно понимая хрупкость человеческой плоти, прокусывает кожу. Боль мимолетна – всего лишь укол, не сильнее царапины от розы.

Капля крови медленно стекает к запястью. Ксар бережно слизывает ее длинным раздвоенным языком. В этот момент я чувствую, как по моему телу пробегает энергетические волны.

– Что? Но как?

Ошарашенно смотрю я на рану, которая моментально затягивается.

– Ты поделился со мной своей силой, – улыбаюсь я. – Спасибо, Ксар.

Дракарион довольно урчит и легонько подталкивает меня мордой в сторону дома. Теперь я понимаю – он привел меня сюда с определенной целью.

– Ты хочешь, чтобы я вошла внутрь, – шепчу я, и Ксар моргает в знак согласия.

Глубоко вздохнув, я поворачиваюсь к дому. Каждый шаг по старым каменным плитам дорожки отдается старой болью в сердце.

Ступеньки крыльца скрипят. Дверная ручка холодит пальцы, когда я ее касаюсь.

Дверь открывается со скрипом. Сделав шаг внутрь, я замираю на пороге.

– Ну нет, я не хочу... – всхлипываю я.

Глава 18

Я вижу себя.

Сидящую на лестнице, а глазах пустота.

Смотрю я на себя из прошлого и чувствую каждую эмоцию, пронизывающую тело той, другой меня.

Они мертвы.

Мама и папа мертвы. Обнаружила их в спальне час назад. Просто лежат в постели, будто спят. Только не дышат. Холодные.

Странно, но я не плачу.

Внутри – ледяная пустота. Не верится. Еще вчера мама смеялась, показывая новый рецепт настойки. Отец ворчал, что она превратила его кабинет в травяную лавку.

А сегодня... их просто нет.

По лестнице спускается мужчина средних лет – лекарь из соседнего городка. Его лицо серьезно, в руках – потертая кожаная сумка.

– Леди Айвилена, – останавливается он в нескольких шагах, – мне очень жаль.

Не чувствуй, Айви. Не сейчас, иначе ты с головой уйдешь в себя. А этого нельзя допустить. Я не могу подвести маму с папой. Не могу и не подведу!

– Что с ними случилось?

Этот сухой, надтреснутый голос мой?

– Сердце, – качает лекарь головой. – У обоих просто остановилось сердце. Иногда такое бывает. Возможно, какая-то болезнь, которую мы не заметили.

Киваю, но внутри не верю ни единому слову. Хотя лекаря незачем мне врать.

Какая еще болезнь? Они никогда не болели. Отец мог стоять под проливным дождем часами, отработывая новые приемы ведения ближнего боя, и даже насморка не подхватывал. Мама своими настойками могла поднять на ноги даже умирающего.

И вдруг – остановилось сердце? У обоих? Одновременно?

Их убили!

Род Нортов проклят уже третье поколение – ни один из нас не может занимать высокие должности при дворе.

Папа говорил, что это какая-то ведьма прокляла прадеда, и с тех пор нас держат на расстоянии от власти.

Но это не мешало родителям быть богатыми и влиятельными. У таких всегда найдутся враги.

Воздух в гостиной вдруг сгущается, идет рябью. В центре комнаты открывается портал – сияющий круг с мерцающими краями. Оттуда выходят двое: тетя Кэролайн и ее муж Ричард.

– Айви! – тетя бросается ко мне, обхватывая руками. А мне хочется вырваться из ее рук. Не хочу, чтобы меня кто-то трогал. Не сейчас. – Боги, дитя мое!

Она плачет, продолжает прижимать меня к себе.

– Мой брат, мой бедный брат, – причитает она, глядя меня по волосам. – Мирая...

Не плачь, Айви!

Нельзя!

– Мы заберем тебя к нам, – говорит тетя, отстраняясь и глядя мне в глаза. – Как только... как только мы похороним их. Ты будешь жить с нами.

– Нет, – качаю головой. – Я останусь здесь. Это мой дом.

– Но дорогая, – голос ее смягчается, – ты не можешь жить здесь одна. Тебе всего шестнадцать. К тому же, от нас до Академии гораздо ближе. Тебе будет удобнее учиться.

Она права, и я это знаю. Но мысль о том, чтобы покинуть дом, где каждый уголок хранит воспоминания о родных, режет без ножа.

– Хорошо, – неохотно соглашаюсь я. – Но только до совершеннолетия.

Тетя кивает, снова прижимая меня к себе.

А я все еще не плачу. Не могу.

Видение рассеивается. Моргнув несколько раз, я прихожу в себя.

Я стою в гостиной родительского дома. Семь лет прошло с тех пор, как я переступала этот порог в последний раз. Семь долгих лет.

Странно, но в доме чисто. Ни пыли, ни паутины, ни следов запустения. Словно кто-то регулярно здесь убирается. Провожу пальцем по полированной поверхности стола – ни единой пылинки.

– Кто здесь бывает? – шепчу я в пустоту. – И кто прошел магическую защиту?

Медленно иду по комнатам, и воспоминания накатывают волнами.

Вот кухня, где мама учила меня готовить первое зелье. «Осторожнее с огнем, Айви. Твоя сила еще не полностью подчиняется контролю».

Вот отцовский кабинет, заставленный книгами до потолка. «Знания – единственное, что никто не сможет у тебя отнять, девочка моя».

А вот моя детская комната. Сажусь на кровати, рыдаю. Мне двенадцать, и я только что узнала о том, что родилась с проклятием. Да таким, что не испытать мне женского счастья. Никогда. Мама успокаивает. Нежно гладит по голове: «Не плачь, солнышко. Это не конец жизни. Ведь в этом мире есть столько вещей, которые могут радовать, что не обязательно заикливаться на одном».

Она говорит, но сама в это не верит. Ведь мама знает, каково это любить и быть любимой, а вот мне...

«Мы всегда будем защищать тебя, Айви. Что бы ни случилось» – говорит отец, стоя у окна.

Они беспокоились обо мне. О том, как проклятие повлияет на мою жизнь. На мое будущее. Но мама с папой не знали, что их не станет так рано. Не знали, что я так рано стану сиротой.

Внезапно тишину разрывает женский крик – пронзительный, полный ужаса. За ним следует яростное рычание Ксара, от которого дребезжат стекла в окнах.

Вздрагнув, я вырываюсь из плена воспоминаний. Бросаюсь к выходу. Что там происходит?

Затем...

– Ксар, фу! Нельзя! Выплюнь!

Глава 19

Я вылетаю на улицу, едва не споткнувшись о порог. Крики и рычание оглушают, и секунду я просто стою, пытаюсь понять, что происходит.

– Ксар, фу! Нельзя! Выплюнь!

Посреди заросшего сад мой дракарион, держит в зубах... кота? Большого рыжего кота, который орет так, словно его в кипятке держат.

Рядом с Ксаром, размахивая подушкой, словно это настоящий меч воительницы, бегают женщина лет пятидесяти и лупит его по бокам.

– Отпусти его, чудовище! – кричит она, снова и снова опуская подушку на чешуйчатую шкуру. – Бруно! Мой бедный Бруно!

Секунду смотрю, не веря своим глазам. Это настолько абсурдно, что кажется каким-то комедийным представлением.

Женщина в простом сером платье и белом чепце колотит трехметрового дракариона... подушкой. А тот стоит, как вкопанный, с болтающимся из пасти котом.

– Ксар! – наконец мирно произношу я, приходя в себя. – Отпусти кота сейчас же!

Ксар поворачивает ко мне морду, и в его янтарных глазах читается что-то вроде "А зачем? Он первый начал!"

– Пожалуйста, – добавляю я мягче, подходя ближе. – Этот кот кому-то дорог. Как ты мне. Дракарион, кажется, вздыхает, из ноздрей вырывается струйка дыма.

На миг мне кажется, что он откажется, и сейчас проглотит испуганную животинку, но затем с явной неохотой раскрывает пасть.

Кот, весь мокрый от слюны, плюхается на землю и, распушившись до невероятных размеров, дает деру, скрываясь в зарослях.

Но женщину это не останавливает!

– Получай, чудище! – она продолжает колотить Ксара подушкой, которая уже трещит по швам. – Никто не смеет обижать моего Бруно!

И что же мой дракарион?

Он стоит неподвижно, лишь хвост его нервно подергивается. То ли он не чувствует этих ударов, то ли считает ниже своего достоинства реагировать.

Но рисковать жизнью незнакомки я не хочу. Кто знает, насколько еще хватит выдержки моего спутника.

– Стойте! – подхожу я к женщине, и тут мне она кажется знакомой, но не могу вспомнить, где ее уже встречала.. – Прекратите! Ваш Бруно в безопасности и сидит вон в тех кустах!

Женщина поворачивается ко мне. Ее лицо красное от гнева, седые волосы выбились из-под чепца.

– А ты кто такая? – чуть спокойнее спрашивает она. – Могла бы и раньше свою бешеную лошадь образумить! Чуть моего Бруно не сожрала! Не кормишь ее, что ли? Так я в управу пожалуюсь на жестокое обращение с животными.

Ого...

Лошадь? ЛОШАДЬ?!

Ксар рядом возмущенно фыркнув, демонстративно отворачивается, хлестнув хвостом по земле так, что взлетают комья грязи.

– Простите, но... – я запинаюсь, не зная, что сказать. – Это не лошадь.

Женщина слепа, или не совсем здорова головой?

Дамочка явно мне не верит и наклонившись, вглядывается в обидевшегося Ксара.

– А что же тогда? Корова?

И до меня начинает доходить – она почти ничего не видит! Вблизи, возможно, различает силуэты, но не детали.

– Я шла тихонько к лекарке, – продолжает она, все еще сжимая подушку, словно щит. – У меня аллергия пошла, глаза совсем заложило, ничего не вижу. И тут слышу – мой Бруно плачет! Захожу в сад, а тут... это!

"Этот бешеное блохастое недоразумение хотел помочиться на меня! На меня!!! Драка-риона! Лучшего из лучших! Да пусть радуется, что не сожрал блохастого. Не хочется, чтобы из-за этого у меня живот вздулся." – раздается в моей голове недовольный голос Ксара.

– Кстати, кто вы такие? Что делаете на землях моих господ?

Господ?

Внимательнее всматриваюсь в ее лицо. Эти мягкие черты, эта ямочка на подбородке...

– Мирая? – неуверенно произношу я. – Мирая, это вы?

Женщина отступает на шаг, крепче вцепившись в подушку.

– Я, а ты кто?

– Это я, Мирая. Айвилена Норт.

"Оружие возмездия" выпадает из ослабевших рук.

– Айви? Малышка Айви? – голос ее дрожит. – Не может быть...

– Это я. – улыбаюсь, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. –

Мирая была моей няней до того, как вышла замуж и уехала с мужем. Мне было тогда, кажется, двенадцать.

– Айви! – Мирая бросается ко мне, обнимает так крепко, что перехватывает дыхание. – Девочка моя! Вернулась!

Она плачет, прижимая меня к себе, и я чувствую, как по моим щекам тоже текут слезы. Запах корицы и меда – тот самый, что сопровождал все мое детство. Только сейчас я чувствую, что действительно вернулась домой.

– Я ждала тебя, – всхлипывает Мирая, отстраняясь и вглядываясь в мое лицо своими. – Все эти годы ждала. Дом в чистоте держала. Приходила каждую неделю, убиралась. Не верила местным байкам.

– Каким байкам, Мирая?

– Ох, если бы ты знала, что о в деревне говорили...

Глава 20

– И что же говорят? – спрашиваю я, и что-то сжимается в груди.

– Что ты сошла с ума от горя после смерти родителей, – тихо говорит Мирая.

А это что еще за бред? Они тут совсем чокнутые?

– С чего они взяли?

Мирая неловко переминается с ноги на ногу, но все же говорит.

– Несколько человек клянутся, что видели тебя ночью. Будто ты бродила по дому, зажигала свечи. А ведь это было спустя годы после... после их ухода.

Холодок пробегает по спине. Кто-то был в моем доме? Кто-то, кого принимали за меня?

– И еще говорят, – отводит взгляд Мирая, – будто твои родители сами... ну... руки на себя наложили.

– Что?! – во мне вскипает такая ярость, что на мгновение темнеет в глазах. – Это ложь! Абсолютная ложь!

Я знаю, знаю всем сердцем – их убили. Мои родители никогда бы не оставили меня добровольно. Никогда.

Рядом раздается низкое, утробное рычание. Ксар чувствует мою ярость и разделяет ее. Его хвост хлещет по земле, глаза сужаются до злых щелочек.

– Тише, Ксар, – кладу руку на его горячий бок. – Не пугай Мираю еще больше.

"Они оскорбляют твою семью," – звучит в голове его злой голос.

– Знаю, – шепчу я. – Но напугав половину деревни, мы правды не добьемся.

Поворачиваюсь к Мирая, которая с опаской косится на Ксара.

– Мирая, я проведу вас к лекарю. Вашим глазам нужна помощь. Ксар, – обращаюсь к дракариону, – пожалуйста, побудь в саду. Я скоро вернусь.

Ксар фыркает, выпуская струйку дыма из ноздрей, но послушно укладывается в тени яблони, сворачивая хвост кольцом.

– Что... что это за зверь? – шепчет Мирая, когда мы выходим за ворота.

– Не зверь, – улыбаюсь я. – Друг. Расскажу позже, обещаю.

Деревня почти не изменилась – те же аккуратные домики с черепичными крышами, та же широкая улица, ведущая к центральной площади. Только деревьев стало больше, да некоторые дома обзавелись новыми пристройками.

Мы идем медленно – Мирая плохо видит, а я... я словно заново узнаю места, где прошло мое детство. Вот пекарня Гудманов – запах свежего хлеба разносится по округе.

Вот кузница – звон молота о наковальню напоминает о том, как отец брал меня с собой заказывать подковы для лошадей.

Странно, но на улице почти никого нет. И все же я чувствую – за нами наблюдают. Из-за занавесок, из приоткрытых дверей, сквозь щели в заборах. Десятки глаз, полных любопытства и страха.

– Здесь, – Мирая указывает на небольшой домик с пучками сушеных трав, свисающих с крыльца.

Дверь открывается прежде, чем мы успеваем постучать. На пороге стоит девушка – высокая, стройная, с длинными рыжими волосами, заплетенными в косу до пояса. В ярко-зеленых глазах – спокойствие и острый ум.

Я ожидала увидеть старуху-травницу, а не эту юную красавицу. С удивлением рассматриваю девушку и понимаю, что мы знакомы.

– Мирая, – кивает девушка, словно ждала нас. – И... – ее взгляд останавливается на мне, – Айвилена Норт.

От того, как она произносит мое имя – медленно, словно пробуя на вкус – по спине пробегают холода. Лирен, неужели это она?

– Проходите, – девушка отступает в сторону, пропуская нас внутрь.

Домик лекарки пахнет травами, медом и чем-то еще – сладким и одновременно терпким. Всюду развешаны пучки растений, на полках – склянки с разноцветными жидкостями, на столе – ступки и пестики разных размеров.

Все так знакомо. Как же давно я сама не пользовалась своим даром. Не готовила зелья, не помогала другим...

– Садись, Мирая, – девушка указывает на стул. – Опять глаза?

– Да, Лирен, совсем плохо вижу, – вздыхает Мирая.

Лирен.

Девочка, которая знает мою тайну...

Лекарка осторожно осматривает глаза Мирая, слегка оттягивая веки. Затем готовит какую-то мазь, растирая травы в ступке и добавляя масло.

– Это снимет воспаление, – она аккуратно наносит мазь на веки Мирая. – И вот настойки. Эту пей утром, – протягивает флакон с золотистой жидкостью, – а эту перед сном, – второй флакон, с темно-зеленым содержимым. – Завтра приходи снова.

– Спасибо, Лирен, – Мирая достает из кармана монеты, но лекарка качает головой.

– Не нужно. Ты приносишь мне яйца и молоко каждую неделю. Мы в расчете.

Закончив с Мираяй, Лирен поворачивается ко мне. Она словно видит меня насквозь.

– А тебе, Айвилена, – она достает с верхней полки маленький флакон с прозрачной жидкостью, – я дам вот это.

– Что это? – настороженно спрашиваю я, всматриваясь в содержимое.

– Очищающее зелье, – на ее губах появляется легкая улыбка. – Поможет увидеть то, что скрыто.

Могу ли я брать от нее что-либо?

Ведь когда-то она меня предала. А сейчас в ней проснулась доброта?

– Спасибо, – говорю я, принимая флакон. Все равно пить это не буду.

– Не благодари, – тихо отвечает она. – Еще не за что.

Кивнув, мы с Мираяй выходим на улицу. Солнце клонится к закату, окрашивая дома в золотистый цвет.

Внезапно со стороны моего дома доносятся крики. Поворачиваю голову и застываю от ужаса – по улице в нашу сторону движется толпа. Мужчины и женщины, вооруженные вилами, косами, топорами. Их лицах страх и решимость.

Ксар...

В следующий миг воздух рассекает яростный рык дракариона.

Глава 21

Ксар...

Он в опасности! Я чувствую его злость и... страх? Не за себя. За меня. Мне нужно поспешить.

Не обращая внимания на крики Мираи, я бросаюсь со всех ног. Я должна успеть. Должна!

С каждым шагом крики становятся громче, а рычание дракариона – яростнее. Когда я поворачиваю на нашу улицу, то вижу тонкие клубы дыма. Визг женщин смешивается с проклятиями мужчин.

– Дикая дракарион! – кричит кто-то. – Он забрался в нашу деревню!

– Сейчас весь скот сожрет и на людей перекинется! – вторит другой голос.

– Надо убить чудовище, пока оно нас не сожрало!

Убить? Моего спутника? Ну я вам...

Народ толпится у ворот моего дома – десятки людей с вилами, топорами, косами. В их глазах плещется первобытный страх, от которого у меня самой холодеет в груди. На страхе человек способен на такие поступки, о которых потом будет жалеть всю жизнь. Если выживет.

Проталкиваясь сквозь толпу, я распахиваю локтями зевак.

– Пропустите! Пропустите меня!

Кто-то хватается меня за плечо:

– Куда ты, дура? Там чудовище!

Вырвавшись из хватки, я прорываюсь через последний ряд людей и забегаю в ворота. Ксар стоит посреди двора, хвост бешено вспарывает землю, из ноздрей вырываются языки пламени.

– Ксар! – мысленно кричу я и бросаюсь к нему, не обращая внимания на жар. – Ксар, успокойся!

Дракарион поворачивает ко мне огромную голову. Янтарные глаза сужаются, мелькает узнавание.

– Всё хорошо, – говорю я, подходя ближе и кладя руку на горячую чешую. – Я здесь. Никто тебя не тронет.

"Эти мерзкие людишки пытались проткнуть мой хвост вилами! – его яростный голос гремит в моей голове. – А один замахнулся топором на мою шею!"

– Тише, тише, – шепчу я, глядя его по морде. – Они просто напуганы. Они не знают, кто ты.

Толпа за моей спиной замирает. Шум стихает, остается только тяжелое дыхание Ксара.

– Смотрите, – шепчет кто-то. – Она его не боится.

– Это же сумасшедшая дочка Нортов, – раздается другой шепот. – Неужели она вернулась.

– Она его не боится, потому что сама ненормальная. Яблоко от яблони...

Каждое слово, как нож в сердце. Не так я представляла себе возвращение домой.

Медленно поворачиваюсь к толпе. Ксар, почувствовав мою боль, расправляет огромное крыло и накрывает меня им, словно щитом от злобных глаз.

– Да, – мой голос звучит неожиданно твердо. – Я – Айвилена Норт. И к счастью, я в здравом уме.

Вглядываясь в лица – некоторые знакомы с детства, другие новые, я вижу страх и недоверие.

– Этот дракарион – мой друг. Его зовут Ксар, и он не причинит вреда никому в деревне.

Ксар за моей спиной надменно фыркает. А толпа отшатывается.

"С радостью поджарю их всех, – с презрением рычит он в голове. – Только дай команду. Особенно того толстяка с вилами. Он пытался проколоть мне хвост!"

"Нельзя, – мысленно отвечаю я. – Нам еще жить среди этих людей."

"Недолго, надеюсь."

– Прошу вас, – обращаюсь к людям, – не провоцируйте его. Ксар первым не нападет, но если его спровоцировать... Если кто-то попытается навредить ему или мне, – я делаю паузу, – этот человек об этом пожалеет.

По толпе проходит ропот. Кто-то начинает возмущаться, но не все и не слишком громко.

– Да как она смеет угрожать!

– Это наша деревня, а не ее!

– Чудовищу не место среди людей!

Вдруг из толпы выходит Мирая. Она становится рядом со мной, с горделивой осанкой и прямым взглядом.

– Стыдно! – гневно выплевывает она. – Стыдно вам всем! Столько лет прошло, а вы все ту же песню поете! Родители ее только в могиле перевернулись от ваших сплетен и наговоров!

Толпа затихает, слушая Мирую. А она продолжает, указывая пальцем то на одного, то на другого:

– Ты, Горт, забыл, как Эдмунд Норт дал тебе монет, чтобы ты дом перекрыл? А ты, Лиза, забыла, как Эмилия тебя травами выхаживала, когда ты при смерти лежала с лихорадкой? И все вы забыли, какими они были – добрыми, честными, готовыми помочь каждому! Наша деревня только и держалась на семействе Норт.

Мирая переводит дыхание и продолжает уже тише:

– А теперь их дочь вернулась домой. И вместо того, чтобы встретить ее с уважением и радостью, вы набросились на нее с вилами. Даже не разобравшись, что к чему. Позор вам! Всем позор!

В толпе воцаряется тишина. Кто-то опускает глаза, кто-то переминается с ноги на ногу.

– Дракарион, говорите? – продолжает Мирая. – Я слышала о них – гордые, благородные создания. Если он с Айви, значит, он не опасен для нас. Айви всегда была доброй девочкой, с чистым сердцем. Если она говорит, что он не причинит вам вреда – значит, так и будет. А теперь – расходитесь. Хватит на сегодня глупостей.

И удивительное дело, люди начинают расходиться. Сначала неохотно, оглядываясь, но потом все быстрее и быстрее, пока у ворот не остается никого, кроме Мирай, меня и Ксара.

– Какая же ты храбрая девочка, – берет Мирая меня за руки. – Всегда такой была. В отца пошла.

Я храбрая? Это же она толпу разогнала, а не я. Должна была я!

– Спасибо вам, Мирая, – я обнимаю ее, чувствуя, как подступают слезы. – Без вас они могли...

– Ну-ну, – она похлопывает меня по спине. – Все обошлось. Ты вернулась домой, и это главное. А ты, – тычет няня крючковатым пальцем в дракариона. – Не пугай местных. Они трусливы.

“Ха! Не пугай. Полчаса назад эта дамочка сама меня лупила. Все они слабаки”

“Успокойся, Ксар!” – твердо прошу я.

Дракарион и правда затихает. Опускается на землю и закрывает глаза. Всем своим видом показывая, что ему совершенно нет никакого дела до того, что здесь происходит.

Опасность уже позади, а я хочу пойти к ним...

– Мирая, я хочу...

– Конечно, девочка моя. Хочешь, я пойду с тобой? – с сочувствием смотрит на меня няня.

– Нет. Я должна сама. Но спасибо.

– Я присмотрю за твоим другом, – она кивает на Ксара.

"Пфф. Еще кто за кем смотреть будет." – бурчит дракарион. – "Мне пойти с тобой?"

"Нет. Это я должна сделать одна."

Могила родителей находится в саду. Под кустом жасмина. Как же его любила мама.

К моему удивлению, могила ухожена: свежие цветы, никаких сорняков. Наверное, Мирая.

– Привет, – шепчу я.

Опустившись на колени надгробной плитой, на которой выбито: "Эдмунд Норт. Любящий муж и отец." И "Эмилия Норт. Любящая жена и мать."

Так просто. Так безлико. Словно эти камни могут передать, какими они были на самом деле.

По щеке катится слеза, за ней другая.

– Мама, папа, – шепчу я, касаясь холодного камня. – Я вернулась.

Они под землей. Я чувствую эту связь – тонкую, почти неуловимую, но реальную. Но что-то не так. Чего-то не хватает.

Закрыв глаза, я пытаюсь сосредоточиться на этом ощущении.

Где?

Внутри все обрывается, когда я понимаю, чего не хватает.

– Невозможно...

Глава 22

Солнце уже клонится к закату, когда я возвращаюсь домой. На сердце такая тяжесть. Такая боль и пустота. Столько лет прошло, а боль такая же острая, будто всё случилось вчера.

Ксар дремлет в тени старой яблони, свернувшись огромным чешуйчатым клубком. На расстоянии сидит Мирая, нервно поглядывая на дракариона каждый раз, когда тот выпускает во сне струюку дыма из ноздрей.

Она вздрагивает, заметив меня, но тут же расслабляется.

– Ты вернулась. Как ты?

– Жива, – отвечаю коротко и сажусь рядом с ней на поваленное бревно.

Как описать словами то, что творится внутри? Это сложно, да и не хочется душу выворачивать.

Некоторое время мы молчим. Но я-то знаю, что Ксар только притворяется спящим. Он чувствует мою боль и разделяет ее.

– Знаешь, – нарушает тишину Мирая, – деревня не сильно изменилась с тех пор, как ты уехала. Те же люди, те же заботы. Старики умирают, дети рождаются. Мельница Гаррета сгорела пять лет назад, построили новую. Харвик женился на девушке из соседней деревни, у них уже трое детей. А помнишь Сильвию, что жила на краю деревни? Так она вышла за купца из города, уехала, говорят, теперь в шелках ходит.

Хоть многие имена уже стёрлись из памяти, я понимающе киваю на слова няни. Мне нужно влиться в деревенскую жизнь, поэтому нужно слушать и запоминать.

– Сходишь со мной? – спрашиваю я, когда Мирая заканчивает говорить. – Хочу взглянуть на мамин огород.

Вернее на то, что от него осталось.

Сад за домом зарос не так сильно, как я опасалась. Видимо, Мирая ухаживала и за ним тоже. Травяной огород моей матери – длинные ряды грядок, огороженные плетёным забором, – выглядит неухоженным, но вполне живым.

Эти травы – самосевы, но на первый взгляд своих целебных свойств не утратили. Так ли это на самом деле, нужно проверить в деле, когда приготовлю первые зелья.

– Нужно будет всё привести в порядок, – говорю я, проводя рукой по высоким стеблям мяты. – Пересадить, обновить... А здесь можно базилик посадить, он хорошо с розмарином соседствует.

– Ты так похожа на мать, – тихо говорит Мирая. – Она точно так же стояла здесь, планируя, что и куда посадить.

Слова няни отдают тупой болью в груди. Как бы мне хотелось вот так с мамой поговорить. Но нет, не в этой жизни. Чувствую как к глазам подступают слезы. Нельзя расслабляться. Нельзя давать волю чувствам. По крайней мере, не сейчас.

– А вот и она! – шепчу я, повернувшись к теплице. Состоит она из стекла и металла. Расположена теплица в дальнем углу сада. Сквозь запыленные стёкла виднеются пышные растения – яркие, сочные, словно на дворе не поздняя осень, а разгар лета.

– Теплица всё ещё работает! Артефакт до сих пор действует!

Я даже не ожидала такого. Думала, что с годами сила в артефакте иссякнет, но нет. Мама не пожалела своей магии.

– Да, – кивает Мирая. – Внутри всегда тепло, а растения цветут круглый год. Иногда я заходила туда за травами для лекарств. Надеюсь, ты не сердишься.

– Конечно нет, – сжимаю я её ладонь. – Хорошо, что хоть кто-то пользовался маминым наследием.

Все не так уж и плохо. Я была готова к худшему.

Так, нужно двигаться дальше. Нужно внимательнее рассмотреть дом. Скорее всего, я что-то упустила. Была ведь взволнованна.

Мы входим в дом. Теперь уже нет никаких видений, никаких призраков – только эхо шагов по деревянному полу.

– Я убиралась здесь, – Мирая смотрит виновато. – Не могла не приходить. Дом словно звал меня. Никто другой не мог пройти через защиту, а я почему-то могла. Приняла это как волю твоих родителей.

– Спасибо, Мирая. – улыбаюсь я, а в глазах слезы. Как же не невыносимо тяжело. – Я попробую поставить чайник.

– Я сама, – направляется она к кухне. – А ты иди, осмотрись. Наверное, хочешь побыть одна.

Хочу...

Поднявшись по широкой деревянной лестнице на второй этаж, я иду в свою комнату. Дверь открывается со знакомым скрипом.

Внутри – словно время остановилось. Узкая кровать с лоскутным одеялом, письменный стол у окна, книжная полка, заполненная потрёпанными томами.

Всё на своих местах, даже мои тетради лежат точно так, как я их оставила в то последнее утро перед отъездом.

Подхожу к столу, провожу пальцами по гладкой поверхности. Взгляд падает на выцветшую тонкую тетрадь, засунутую между книгами. Вытаскиваю её, и сердце начинает биться чаще.

Мои записи из академии. Эксперименты, формулы, наброски зелий...

И там, на последних страницах – идея, которую я так и не осуществила. Безумная, дерзкая идея – создать зелье, от которого драконы не смогут отказаться. Это зелье облегчит им жизнь. Оно может изменить всё.

Пальцы дрожат, когда я перелистываю пожелтевшие страницы. Я ведь могу это сделать. Теперь, когда у меня есть Ксар, теперь, когда я вернулась в дом, напитанный родовой магией... Я могу завершить то, что начала столько лет назад.

Только нужно договориться с дракарионом.

Внезапно воздух сотрясает оглушительный рёв – непохожий на рычание Ксара, более низкий, тяжелый. В следующую секунду раздаётся грохот, словно что-то невероятно тяжёлое рухнуло на землю.

Подбегаю к окну и застываю, не веря своим глазам.

– Что за...

Глава 23

Сердце грохочет в груди, когда я быстро спускаюсь по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Руки дрожат, когда я распахиваю входную дверь.

Во дворе – хаос. Ксар стоит на расправленных лапах, шипы на хребте подняты, из пасти вырываются клубы дыма. Он медленно обходит огромную фигуру, распластавшуюся на маминых грядах.

Серебристый дракон. Настоящий дракон!

Откуда он тут?

Чешуя зверя переливается в лучах заходящего солнца, но даже издалека я вижу, что на боку зияет рваная рана, из которой сочится густая темная жидкость. Крыло неестественно вывернуто, а дыхание – тяжелое, с хрипом.

Делаю несколько осторожных шагов вперед.

– Айвилена! – Мирая выбегает из дома, прижимая руки к груди. – Не подходи! Это не к добру! Драконы не появляются просто так!

А я-то не знаю. Я была замужем за одним из них, и вот к чему это все привело.

"Послушай старуху, – голос Ксара в моей голове звучит непривычно резко. – Не приближайся к нему. Пусть помирает".

"Он же дракон, как и ты, – мысленно отвечаю я. – Неужели ты бросишь своего в беде?"

"Я – дракарион, – рычит Ксар, выпуская струю дыма из ноздрей. – Не путай нас. Я не стану помогать этому".

В его тоне столько презрения, что я даже останавливаюсь. Что за вражда между ними? Но размышлять некогда – со стороны раненого доносится протяжный рык, полный такой боли, что у меня внутри все переворачивается.

Я ведь не чудовище. Да – это опасно. Да – это безрассудно. Но ведь он же наполовину человек. Разумное существо. Как можно безразлично отвернуться от умирающего? Не буду!

– Я не могу его так оставить, – говорю вслух, на что Мирая качает головой.

– Дитя, это опасно...

Но я уже подкрадываюсь к раненому дракону.

Он вдвое больше Ксара, его массивное тело почти уничтожило мамини грядки с лекарственными травами. Когда я подхожу ближе, дракон медленно поворачивает голову. Его глаза – темно-синие, как глубокое озеро – открываются, и в них я вижу молчаливую просьбу о помощи. И еще что-то... узнавание?

Но я ни разу не видела серебристых драконов. В королевстве их единицы. И только два из них генералы.

Кто свалился на мои грядки?

– Я помогу тебе, – говорю я тихо, поднимая руки ладонями вперед. – Только, пожалуйста, не убей меня случайно, хорошо? Я не причиню тебе вред, хотя и не обещаю, что не будет больно. Ты сильно ранен.

Дракон медленно моргает. Он все понимает. Взгляд его осознанный, не затуманенный болью или яростью.

Он мне не навредит.

– Ты можешь обратиться в человека? – спрашиваю я, приближаясь еще на шаг. – Так мне будет проще тебе помочь.

Дракон издает тихий рык, который переходит в болезненное шипение. Потом слабо качает огромной головой. Понятно – он не может обратиться. Или не хочет.

Осторожно обойдя его, я оцениваю повреждения. Глубокая рана на боку, словно от когтей или клыков.

Сломанное крыло. Множество мелких порезов на шее и брюхе. Дракон следит за мной одним глазом, поворачивая голову, но не делает попыток атаковать.

– Я сейчас вернусь, – говорю я и бросаюсь к теплице.

Внутри теплицы – настоящее буйство красок и запахов. Мама всегда выращивала здесь самые редкие и ценные растения.

Я не лекарь, как она, но знаю основы. Срываю листья аллиурта – ярко-красные, с серебристыми прожилками, они остановят кровотечение. Затем горсть синих ягод мольберы – для обезболивающей мази. Корень соннолиста, цветы арники, листья вербены... Складываю все в подол рубашки и бегу обратно в дом.

На кухне работаю быстро и сосредоточенно. Растираю травы в мамином старом мраморном пестике, добавляю масла и настойки из шкафчика.

Зелье для внутреннего приема получается изумрудно-зеленым, с горьковатым запахом. Мазь – густая, темно-синяя, пахнущая мятой и чем-то металлическим.

Когда возвращаюсь в сад, дракон все так же лежит на земле. Он стал еще бледнее, если можно так сказать о чешуйчатом звере. Серебристая чешуя потускнела.

Ксар стоит неподалеку, не сводя с раненого настороженных глаз. Мирая рядом с ним, ее лицо напряжено, губы сжаты в тонкую линию.

Няню даже близкое присутствие дракариона не пугает. Невероятно! А еще несколько часов назад она даже смотреть боялась на Ксара, а сейчас едва не прикасается к нему.

– Будь осторожна, девочка, – говорит Мирая. – В нем что-то не так.

Это она о его тяжелой ауре? Разве обычный человек сможет ее почувствовать? Или няня что-то мне не договаривает?

– Все будет хорошо – отвечаю я.

Медленно приближаюсь к дракону, держа перед собой миску с зельем.

– Это поможет, – сама не знаю для кого это говорю. Для дракона или уже для себя. Сделав еще несколько шагов, я решаюсь на последний. – Нужно сначала остановить кровотечение...

И как только я тянусь к самой опасной на вид ране, как дракон неожиданно поднимает голову. Из его ноздрей вырывается облако пара, а массивное крыло – то, которое не повреждено – медленно поднимается над землей.

Он ведь меня сейчас раздавит!

Глава 24

Стою, даже не дышу. Мне бы отпрыгнуть и убежать, да вот не могу. Я словно выросла в землю. Еще секунда и все...

Но нет. Дракон держит крыло поднятым и смотрит на меня сквозь пелену боли. Через мгновение понимаю. Не раздавить он хочет, а показывает мне что-то.

Под крылом, на нежной перепонке и вдоль бока, тянется глубокая рваная рана, куда серьезнее той, что я заметила раньше.

– Ох... – выдыхаю я, чувствуя, как страх сменяется сочувствием. – Это... это очень плохо. Ксар за моей спиной фыркает с явным неодобрением.

"Он манипулирует тобой. Хитрость, достойная дракона."

"Помолчи," – мысленно приказываю я и опускаюсь на колени рядом с раненым.

– Сейчас будет немного больно, – предупреждаю я, окуная чистую тряпку в зелье. – Но это поможет.

Когда прикладываю пропитанную тряпку к ране, дракон вздрагивает всем телом, но не отстраняется.

Из его горла вырывается тихий стон, от которого у меня мурашки по коже. Я уже не боюсь. Продолжаю очищать рану от грязи и засохшей крови, затем накладываю мазь. Дракон напрягается, когда мои пальцы касаются его чешуи, но терпит.

– Ты должен выпить это, – говорю я, поднося миску с зельем к его морде. – Поможет с болью и заживлением.

Зверь смотрит на меня долгим взглядом, затем медленно опускает голову к миске и одним движением языка вылизывает все до капли.

Если бы звери могли морщиться, то сейчас бы дракон это сделал. Зелье-то горькое. А так зверь утробно рыкнул, но зелье не выплюнул. Не дурак же.

– Послушай, – я снова касаюсь его шеи, – было бы намного проще, если бы ты мог обратиться в человека. Я не смогу затащить тебя в дом, а здесь ночью будет холодно.

Дракон тихо вздыхает и слабо качает головой. Затем прикрывает глаза, и я вижу, как напрягаются мышцы под серебристой чешуей.

Тело его дрожит, но ничего не происходит. Через несколько секунд он открывает глаза, и в них – такая беспомощность, что у меня сжимается сердце.

– Ты не можешь? – спрашиваю я. – Физически не можешь обратиться?

Дракон медленно моргает в знак согласия.

– Вода, – спохватываюсь я. – Тебе нужна вода.

Бегу к колодцу и возвращаюсь с полным ведром. Дракон жадно пьет, а я замечаю, что Мирая стоит рядом с корзиной, полной чистых тряпок.

– Подумала, что понадобятся, – говорит она, все еще настороженно глядя на дракона, но уже без прежнего страха. – Я могу помочь... с перевязкой.

Перевязкой? Да сколько же это ткани понадобится. Да и нереально это.

И все же мы прикладываем к ранам лоскуты ткани, смазывая края липкой смесью. При контакте с водой, она разжижается и перевязки будет не больно менять.

Вместе мы работаем над ранами. Мирая оказывается на удивление ловкой, несмотря на возраст и слабое зрение.

Ксар не отходит от нас ни на шаг, наблюдая за нами с плохо скрываемой ревностью.

"Ты тратишь зелья на этого... чужака, – ревниво шипит Ксар. – Выкинь его за забор! Нечего ему тут делать. Пусть лечится в другом месте."

"Ксар, он ранен, – мысленно отвечаю я, не прерывая работы. – Я не могу просто выгнать его. Да и как ты себе это представляешь?"

"Можешь, – настаивает дракарион. – Это дракон. Они коварны и опасны."

"А ты, значит, само очарование? – усмехаюсь я. – Перестань ревновать."

Ксар фыркает облаком дыма и отворачивается, но остается рядом, не спуская глаз с серебристого дракона.

Когда последняя рана обработана и перевязана, солнце уже скрылось за горизонтом. В саду сгущаются сумерки, и воздух наполняется вечерней прохладой.

– Ему нужно тепло, – говорит Мирая, вытирая руки о фартук. – Но в дом его не затащишь.

Ага, будто его вообще можно дотащить.

"Я могу развести огонь, – раздраженно рычит дракарион. – Но только потому, что иначе ты всю ночь будешь здесь мерзнуть вместе с ним."

– Спасибо, – шепчу я, касаясь его шеи.

Ксар выдыхает струю пламени на кучу сухих веток, которые Мирая собрала на краю сада. Огонь вспыхивает, озаряя пространство золотистым светом. Серебристый дракон, наблюдающий за всем этим полуприкрытыми глазами, затем тихий порывается.

Благодарит, что ли?

– Ты поспи, – говорю я ему, поправляя одну из повязок. – Завтра будет легче.

Дракон медленно моргает и опускает голову на землю. Его веки тяжелеют, и вскоре он погружается в сон.

– Пойдем в дом, – Мирая касается моего плеча. – Ты тоже должна отдохнуть.

Бросаю последний взгляд на больного. Его дыхание ровное, повязки на месте. Он будет в порядке до утра.

– Идем, – соглашаюсь я. – Ксар, ты же останешься?

Вдруг ему уже все надоело, и он решил сбежать от меня?

"Я останусь здесь, – отвечает дракарион, устраиваясь неподалеку от костра. – Буду приглядывать за ним."

– Хорошо. Зови, если что-то случится. И, спасибо!

Стоим нам войти в дом, я говорю Мирая, что хочу спать. К счастью, няня не уходит домой, а остается рядом. И благодарна ей за это. Все же, мне нужно время, чтобы привыкнуть. Чтобы справиться со своими страхами и болью.

– Спокойной ночи, дитя, – произносит Мирая, обнимая меня.

В своей комнате падаю на кровать не раздеваясь. Усталость накатывает волной, и я проваливаюсь в сон почти мгновенно.

Мне снится что-то странное: серебристые волны, синие глаза, смотрящие из темноты, шепот на языке, которого я не знаю. Я плыву сквозь облака, чувствуя на своей коже прикосновение ветра...

И вдруг – ощущение чужого присутствия. Настолько реальное, что я резко просыпаюсь, садясь на кровати.

– Я не наврежу... – слышу я из темноты.

Глава 25

Сердце подскакивает к горлу. Инстинктивно хватаюсь за подушку, будто она способна защитить.

– Кто здесь? – несмотря на страх, голос звучит уверенно.

Тень в углу делает шаг вперёд, и я ошарашенно смотрю на... дракочеловека?

Передо мной стоит человек... и не человек одновременно.

Его высокое тело покрыто серебристой чешуёй – неравномерно, словно островками. Она мерцает в лунном свете, покрывая плечи, часть груди и спускаясь вдоль рук. Лицо почти человеческое, но скулы острее, чем должны быть, а глаза... глаза с вертикальными зрачками светятся тем же тёмно-синим цветом, что и у раненого дракона.

– Райгар, – голос хриплый, надломленный. – Меня зовут Райгар.

Он пошатывается, опираясь о стену. По животу расползаются тёмные пятна – раны снова открылись.

– Боги, – выдыхаю я, отбрасывая подушку и бросаясь к нему. – Как вы сюда попали? Как смогли обернуться?

– Не полностью, – морщится он от боли, когда я подставляю плечо, помогая ему дойти до кровати. – Застрял... между формами.

Райгар тяжело опускается на кровать, и я вижу, что повязки, которые мы накладывали на дракона, превратились в окровавленные лохмотья, едва держащиеся на его теле. Трансформация разорвала их, и теперь кровь снова течёт из ран.

– Не двигайтесь, – приказываю я и бросаюсь в соседнюю комнату.

Мирая спит чутко – достаточно лёгкого прикосновения к плечу, чтобы она проснулась.

– Дракон, – выпаливаю я. – Он в моей комнате. В человеческой форме. Точнее, не совсем...

Мирая не задаёт лишних вопросов. Она набрасывает шаль и следует за мной, прихватив свою сумку с лекарствами.

Когда мы возвращаемся, Райгар лежит неподвижно, его глаза закрыты, дыхание поверхностное. Видны следы трансформации – часть чешуи отслоилась, обнажая сырую, покрасневшую кожу под ней.

– Святые небеса, – шепчет Мирая. – Я никогда такого не видела.

– Я тоже, – отвечаю, вспоминая Драгона. Он всегда обращался полностью – либо человек, либо дракон. Это... что-то другое.

Мы работаем быстро и молча. Мирая готовит настойку, я снимаю старые повязки и очищаю раны. Кожа Райгара горячая, почти обжигающая.

Лихорадка. Это плохо.

– Нужно что-то сильнее тех зелий, что я делала днём, – говорю я, прикладывая холодный компресс к его лбу. – Обычные травы здесь не помогут.

Мирая кивает, накладывая свежую повязку на рану вдоль ребер.

– У твоей матери были рецепты для особых случаев. Может, там найдётся что-то подходящее?

Когда с перевязкой покончено, Райгар погружается в тревожный сон. Мирая остаётся с ним, а я спускаюсь. Сна уже нет и в помине. На улице начинает светлеть – скоро рассвет.

Теплица встречает меня влажным теплом и буйством запахов. В полумраке собираю травы, которые могут помочь: корень драконьего языка, плоды серебряного тиса, лепестки лунноцвета. Всё, что могло бы подойти для создания зелья, достаточно сильного, чтобы исцелить дракона.

Вернувшись в дом, занимаю мамину лабораторию – небольшую комнату, примыкающую к кухне. Здесь ничего не изменилось за эти годы: те же полки с банками и склянками, те же книги рецептов, тот же тяжёлый дубовый стол для работы.

Листаю мамин гримуар, ища нужное зелье. На последних страницах нахожу то, что нужно: "Эликсир возрождения для существ с двойной природой". Идеально. Вчитываюсь в рецепт, и сердце падает. Для основы требуется чешуя дракариона.

Закусываю губу, взвешивая варианты. Просить Ксара отдать свою чешую – всё равно что просить человека вырвать кусок кожи. Это больно, унижительно и... опасно. Дракарионы убивали за меньшие оскорбления. Но выбора нет. Мне ведь не раз придется это сделать.

Выхожу во двор. Небо уже окрасилось в нежно-розовый – наступает утро. Оглядываюсь в поисках Ксара, но двор пуст. Дракарион исчез, оставив после себя помятую траву.

Ну где же он?

– Ксар? – зову я, но в ответ только тишина.

Куда он мог деться? Неужели обиделся настолько, что ушёл? Или... что если между ними произошла схватка? Что, если Райгар в таком состоянии потому, что они дрались?

Сердце колотится всё быстрее, когда я выхожу за ворота, осматривая дорогу. Ни следа Ксара. Зато у ворот меня уже поджидают.

– Кажется, тебе понадобится моя помощь... Айви.

Глава 26

Лирен...

Что она здесь забыла?

– Не спешила же ты за помощью... Айви.

А должна была?

Хотя вроде бы логично. Она куда лучше меня знает толк в целительстве. Вот только есть одно большое НО. Я не доверю Лирен.

– С чего ты взяла, что она мне вообще нужна? – я само спокойствие. Ничем не выдаю своих истинных чувств.

Когда-то эта девушка была моей подругой. До тех пор, пока не вонзила кинжал в спину. Я доверяла ей как никому и поплатилась за это. Больше подобной ошибки я не совершу.

– Разве твой подопечный не горит? Или думаешь, что сможешь ему своими травками? – усмехается Лирен. – Готова взять на себя такую ответственность?

Готова ли я?

Дракону и правда хуже, а я не уверена, что Ксар поделится частичкой своего тела. Да еще ради дракона.

Но даже если и поделится, то сейчас дракариона нет.

Лирен – опытная лекарка, – именно то, что сейчас нужно Райгару. Но что-то внутри сжимается при мысли о том, чтобы впустить Лирен в дом, позволить ей приблизиться к раненому дракону.

Словно прочитав мои мысли, Лирен делает шаг вперед.

– Айви, я не знаю, кого вы там прячете, но дракону я точно не наврежу.

– И ты пришла посмотреть? – голос мой звучит резче, чем мне хочется.

– Я пришла помочь. Я смогу. – она вздыхает. – Ты стала такой недоверчивой, Айви.

– Разве не без причины? – бросаю я, и старая боль вновь переворачивает все внутри.

Тринадцать лет назад Лирен была моей лучшей подругой. Я доверяла ей всё – свои секреты, мечты, даже первые неумелые заклинания.

Я доверила ей свою тайну.

А потом Лирен предала меня.

В глазах бывшей подруги вспыхивает пламя.

– Ты до сих пор считаешь, что я виновата? – её голос дрожит.

– Не время для этого разговора, – обрываю её. – Если действительно хочешь помочь – идём.

Оглядываюсь по сторонам в поисках дракариона, но Ксара всё нет и нет. Куда он мог подеваться? И почему именно сейчас, когда он так нужен?

Другого варианта нет, как принять помощь лекарки.

– Слава богам, ты пришла, – говорит Мирая Лирен. – Ему хуже. Лихорадка усилилась.

От теплого приема няни сердце пронзает ядовитой иглой ревности. Ну а на что я рассчитывала? Мирая в деревне всю жизнь прожила. Она знает Лирен с детства. Да, она лечит няню.

Конечно, Мирая доверяет ей.

Райгар по-прежнему лежит на кровати, его серебристая чешуя тускло мерцает в утреннем свете.

Обнажённый торс покрыт повязками, многие из которых пропитались кровью. На лбу выступили капли пота, дыхание тяжёлое, прерывистое.

Лирен почему-то застывает на пороге, при одном взгляде на дракона. Её лицо бледнеет, глаза расширяются, а рука, держащая корзину, начинает дрожать.

Понимаю ее страх и не осуждаю.

– Лирен? – окликаю её, но она словно не слышит.

Её взгляд прикован к лицу Райгара, и в нём читается такое изумление, такая боль, что мне становится не по себе.

– Ты знаешь его? – спрашиваю тихо.

Лирен вздрагивает, словно очнувшись ото сна.

– Нет, – резко отвечает она. – Конечно, нет. Просто... никогда не видела дракона в таком состоянии.

Лирен приближается к кровати, поставив корзину на пол, лекарка начинает доставать склянки, мешочки с травами, чистые бинты.

Её движения точны и уверены, но от меня не ускользает то, что Лирен избегает прикасаться к обнаженной коже Райгара. Она работает через ткань или касается только чешуи, словно боится контакта с его человеческой частью.

Понимаю. Прикасаться к чужому мужчине нельзя. И я не прикасалась бы специально. Просто случайно так вышло, что мне пришлось волочить его до кровати. Не бросать же беднягу на холодном полу?

– Что с ним? – спрашиваю я, помогая снять старые повязки.

– Отравление, – отвечает Лирен, пригнувшись к ране на боку. – Кто-то использовал особый яд. Он не убивает сразу, но не даёт обратиться полностью – ни в человека, ни в дракона.

– Можешь помочь?

Лирен кивает, доставая из корзины маленький флакон с тёмно-фиолетовой жидкостью.

– Это должно помочь. Его нужно влить прямо в рану, а потом дать ему выпить остаток.

Я помогаю приподнять Райгара, пока Лирен готовит лекарство. Я даже забываю, что приличнее прикасаться к дракону через ткань. Но неужели сейчас время для таких условностей?

Он же не голый, хвала Богам! Низ его прикрыт свободными полотняными штанами.

Лирен наклоняется над раной с флаконом, и в этот момент рука Райгара взлетает вверх, хватая её за запястье.

Его хватка крепкая, несмотря на состояние. Девушка застывает, не смея пошевелиться.

Глаза Райгара остаются закрытыми – он всё ещё без сознания, но его пальцы сжимаются вокруг запястья Лирен, словно он пытается что-то сказать. Или вспомнить.

Время замирает. Я смотрю на их соединённые руки – его тёмные пальцы с серебристыми когтями вокруг её бледного запястья.

Что-то не так.

Наконец, Райгар обессиленно разжимает пальцы, и его рука падает обратно на кровать. Лирен выдыхает, ведь всё это время не дышала. На её запястье остаются красные следы от его пальцев.

– Продолжай, – прошу я, стараясь не обращать внимания на странное напряжение, возникшее в комнате.

Только бы она не убежала.

Но Лирен удивляет меня. Кивнув, она наклоняется к ране, вливая в неё несколько капель зелья. Райгар вздрагивает, из его горла вырывается тихий стон.

– Держи его, – командует Лирен, и я прижимаю плечи Райгара к кровати, пока она продолжает лечение.

Когда последняя капля лекарства исчезает в ране, Лирен прикладывает к ней свежую повязку, пропитанную какой-то пахучей мазью.

– Теперь нужно дать ему выпить остаток, – говорит она, поднося флакон к губам Райгара.

К счастью, он выпивает. Теперь все должно быть хорошо.

– Спасибо, – смотрю я на Лирен.

– Почему...

Лекарка не договаривает. Именно в этот момент снизу раздаётся оглушительный порочный визг, а следом – знакомый рык, от которого вздрагивают даже стены.

Что там происходит?!

Глава 27

Я срываюсь с места, едва услышав визг. Лирен следует за мной, на ходу вытирая руки о передник. Мы вылетаем из дома и...

– Боги...

– Святые небеса! – выдыхает Лирен.

Ксар стоит посреди сада, гордо подняв голову. А в зубах его извивается и визжит розовый поросенок – упитанный, с белыми пятнами на боках.

Животное отчаянно брыкается, пытаясь вырваться, но челюсти дракариона крепко держат его за шкурку, не причиняя, впрочем, серьезного вреда.

Увидев меня, Ксар делает несколько шагов вперед, притаптывая увесистой тушей невысокую траву.

Его чешуя переливается на солнце, а глаза сияют гордостью охотника. Склонив голову, он осторожно опускает визжащего поросенка в мои руки.

"Ужин," – звучит самодовольный голос дракариона. – "Свежее мясо для тебя, не для дракона!"

Смотрю на несчастное животное, которое, почувствовав свободу, пытается выпрыгнуть из моих дрожащих рук. Сердце болезненно сжимается от его испуганного взгляда и жалобного хрюканья.

Убить? Нет, как можно?!

– Беги, какой кошмар! – шепчет Лирен за моей спиной.

– Где? – оборачиваюсь я и вижу, как она застыла. Лицо лекарки бледнее полотна, а глазах плещется дикий страх.

Она разве ни разу не видела дракарионов?

Ксар переводит взгляд на Лирен и неодобрительно щурится. Его ноздри расширяются, втягивая запах незнакомки.

"Кто эта тощая девица? Она боится, но мало. Пусть визжит от ужаса" – говорит он, не сводя глаз с лекарки. – "Можно я немного напугаю её? Обещаю, только чуть-чуть."

– Нет! – резко отвечаю я. – Даже не думай. Она помогает вылечить дракона. Ты же хочешь, чтобы он быстрее покинул наш дом?

Поворачиваюсь к Лирен, которая выглядит так, будто вот-вот потеряет сознание.

– Не бойся, – произношу я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Ксар тебя не тронет. Он... он мой друг.

Дракарион фыркает, выпуская облако пара в сторону Лирен. Не огонь, просто горячий воздух, но даже этого достаточно, чтобы лекарка отшатнулась.

Поросенок под моей рукой всё ещё визжит, теперь уже пытаясь вырваться и убежать от меня.

Визг его разносится по всей округе, и внезапно, с соседнего двора доносится пронзительный женский крик:

– Воры-ы-ы! Украли! Украли моего Шунтика! Среди бела дня поросёнка украли-и-и! Шунтик?

Как я раньше не подумала?! Это же очевидно, что поросенок не дикий. И, судя по крикам, хозяйка уже подняла на ноги всю деревню.

Проблем точно не избежать.

И действительно, через мгновение со дворов начинают выбегать люди – кто с вилами, кто с метлой. Они слышат визг поросенка и устремляются к моим воротам.

– О, нет, – шепчу я. – Только не это.

Ксар поднимается на задние лапы, расправляя крылья. Выглядит он внушительно. Так что никто из местных не торопится пройти во двор.

Соседи останавливаются у ворот, не решаясь войти. Люди в ярости, но в глазах читается страх. Конечно, кто в здравом уме приблизится к дракариону.

– Это ваш зверь украл моего Шунтика! – кричит тучная женщина в цветастом переднике, указывая пальцем на Ксара.

Остальные ей поддакивают. Им лишь бы повод спустить на меня всех собак. Вот он и появился.

– Послушайте, – начинаю я, – это недоразумение. Ксар не знал, что поросёнок домашний. Он думал...

Но Лирен неожиданно выступает вперёд, перебивая меня:

– А почему, собственно, ваша животина свободно бегает по деревне? – возмущенно проносит она. – Разве в Осеннем Холме не принято держать скотину в загонах? Или вы считаете, что ваш поросёнок имеет право гулять по чужим дворам?

Толпа затихает, не ожидая такой прямой атаки от лекарки. Женщина в переднике открывает и закрывает рот, не зная что возразить.

– Но... но... это же мой Шунтик! – наконец выдавливает она.

– И что? – скрещивает Лирен руки на груди. – Если бы вы следили за своим Шунтиком должным образом, он бы не оказался на чужой территории. Дракарион защищал свой дом, как и положено. Вам стоит благодарить Айвилену, что она вообще вернет вам это глупое животное. Что происходит?!

Что происходит?!

Не верю своим глазам, что Лирен меня защищает. Зачем?

Лирен решительно подходит ко мне, забирает поросёнка, который тут же замолкает в её уверенных руках, и направляется к воротам.

– Вот, заберите своего беглеца, – говорит она, передавая животное хозяйке. – И впредь будьте внимательнее. В следующий раз он может забрести не в тот двор, и тогда уже никто не вернёт вам даже хвостика.

Женщина прижимает поросёнка к груди, бормоча что-то неразборчивое, но явно не смея спорить с лекаркой. Толпа начинает расходиться, недовольно переговариваясь.

Обернувшись, Лирен говорит:

– Мне нужно вернуться к своим делам. Я оставила все необходимые лекарства и инструкции для Мираи. Если будет нужна моя помощь – ты знаешь, где меня найти.

Она бросает последний взгляд на дом, затем решительно выходит за ворота.

А я стою и смотрю ей вслед, пока Ксар подходит ближе, тыкаясь носом мне в плечо.

"Она пахнет странно," – говорит он. – "Как... как одна из нас."

ГЛАВА 28

– Не говори глупостей, – отвечаю я, когда последние зеваки разошлись. – Она обычная девушка.

Затем поворачиваюсь к дракариону и, глядя ему прямо в глаза, произношу:

– Ксар, я благодарна тебе за заботу, но так нельзя. Нельзя брать чужое. Мы же не хотим, чтобы деревня ополчилась против нас, верно?

Дракарион фыркает, выпуская струйку дыма из ноздрей.

"Я хотел помочь. Твоему дракону нужно мясо, чтобы восстановить силы. И чтобы он быстрее убрался отсюда"

– Знаю, – Вот не могу я строго с Ксаром. – И я ценю твою заботу. Но пожалуйста, больше не приноси живых существ. Я... я не смогу их убить.

Ксар непонимающе смотрит на меня.

"Люди странные," – наконец произносит он. – "Едите мясо, но не хотите видеть кровь."

– Это так, – вздыхаю я.

Как объяснить дракариону тонкости человеческой морали?

– Я пойду, – говорю я. – Нужно проверить, как там Райгар.

Я даже не успеваю переступить порог, как наверху раздается треск.

Бросившись наверх, я перепрыгиваю через ступеньки. Сердце колотится где-то в горле, пока в голове проносятся десятки жутких предположений. Распахнув дверь, я замираю на пороге.

– Боги...

Райгар, изогнувшись, лежит на полу. Под ним – лужа темной крови, расплзающаяся по деревянным доскам. Повязка на боку почти полностью пропиталась алым.

– Мирая, что случилось? – спрашиваю я, бросаясь к дракону.

– Я не знаю, что случилось! – дрожащим голосом произносит няня. – Он пытался встать, я хотела помочь, но он упал и...

– Потом расскажешь, – перебиваю я. – Помоги мне поднять его.

Мы обхватываем Райгара с двух сторон. Он тяжелый, даже слишком для его состояния. Мышцы напрягаются под нашими руками, но дракон не приходит в сознание. Только тихо стонет, когда мы пытаемся сдвинуть его с места.

– На счет три, – командую я. – Раз, два... три!

Напрягшись, мы поднимаем его. Мирая тихо охает от тяжести, но держится. Шаг за шагом, мы тащим Райгара к кровати. Наконец, с последним рывком, укладываем раненого на смятые простыни. Они тут же начинают пропитываться кровью.

– Принеси, пожалуйста, воды и чистые тряпки, – прошу я Мираю.

Она выбегает из комнаты, чем немало меня удивляет, а я бросаюсь к шкафу, где Лирен оставила лекарства. Руки дрожат, когда перебираю склянки, пока не нахожу нужную – темно-зеленую, с настойкой ивовой коры и еще каких-то трав.

Вернувшись к кровати, я прислушиваюсь. Райгар дышит тяжело, прерывисто, но душит. Его лицо бледное, на лбу выступили капли пота.

Нужно снять повязку. Боги, рана снова открылась, и теперь кровь течет сильнее.

– Смочи одну и держи наготове, – прошу я, когда Мирая вбегает с кувшином воды и охапкой чистых тряпок.

Затем выливая часть настойки прямо на рану. Райгар дергается от резкой боли и стонет громче, и Мирая испуганно отшатывается.

– Все хорошо, – успокаиваю я одновременно обоих. – Это поможет остановить кровь.

Вдвоем мы обрабатываем рану, накладываем свежую повязку. Кожа дракона горячая, словно внутри бушует пламя. Жар усилился с тех пор, как его осматривала Лирен.

– Принеси еще воды, – прошу я Мираю. – Холодной, из колодца. И нам нужна большая миска.

Когда она уходит, я сажусь на край кровати и прикладываю влажную тряпку ко лбу Райгара. Дракон беспокойно мечется, бормочет что-то на драконьем языке.

Мирая возвращается с холодной водой, и мы наполняем миску. Окунув в нее чистую тряпку, я начинаю обтирать пылающее тело Райгара.

Шея, плечи, грудь... Я не задерживаюсь на одном месте. Главное, помочь дракону. Нельзя допустить, чтобы он умер.

Вдруг, когда прохладная ткань касается его груди, Райгар вдруг хватает меня за запястье. Его хватка удивительно сильная для человека, который находится одной ногой на том свете.

– Шайра, – шепчет он. – Шайра таинер...

Что он говорит?

Глаза Райгара все еще закрыты, но брови сведены.

– Тише, – говорю я мягко, не пытаюсь высвободить руку. – Все хорошо. Ты в безопасности.

– Не уходи, – голос его звучит надломлено. – Не оставляй меня снова...

– Я здесь, – шепчу я, хотя понимаю, что он принимает меня за кого-то другого. – Я никуда не уйду.

Мирая молча наблюдает за нами, прижав руки к груди.

– Может, позвать Лирен? – спрашивает она тихо.

– Думаю, так будет лучше.

Мирая уходит за лекаркой, а я продолжаю обтирать тело дракона. Все это время Райгар не отпускает мою руку, словно боится, что я исчезну, стоит ему разжать пальцы. Затем, к моему ужасу, дракон тянет меня на себя, а в следующий миг...

– Шайра, – шепчет он, и его голос звучит иначе.

И тут за моей спиной раздается рычание.

Низкое, утробное, полное ярости.

Медленно обернувшись, насколько позволяют руки Райгара, которые не отпускают меня, и...

– Бездна... – вырывается у меня.

В дверном проеме стоит Драгон. Его глаза. В них клубится такая ярость, какой я никогда прежде не видела.

Это не просто гнев. Это древняя, первобытная ненависть, глубокая как океан и горячая как лава. Взгляд, от которого стынет кровь в жилах и останавливается сердце.

Взгляд, который говорит яснее любых слов: или ты, или я. Нам обоим не жить.

– Убери... от нее... свои лапы!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.